

Пепел Миров

Дочь королевы ведьм

Артемий Кяшкин

Артемий Кяшкин

Пепел Миров. Дочь королевы ведьм

<https://litres.ru/74185282>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Он думал, что спасает её. На самом деле она спасала его. От самого себя.»

Он появился в её городе из ниоткуда — высокий, худой, с глазами цвета древней магии. Никто не знал, откуда он пришёл и что скрывает за своей ледяной маской. Но Мегги почувствовала это с первого взгляда: он не такой, как все. И она не ошиблась.

Тьма идёт по его следу. Она просачивается сквозь трещины между мирами, затягивая небо багровым свечением, заставляя землю содрогаться. Город, который Мегги считала домом, оказывается лишь декорацией, а её собственная жизнь — частью древней игры, в которой ставка — существование всего человечества.

Алекс должен защитить её. Но его прошлое — это проклятие, которое он носит в себе уже семьсот лет. И чем ближе они становятся друг к другу, тем быстрее тьма настигает их.

Выбор, который предстоит сделать Мегги, изменит всё. Или она спасёт мир. Или потеряет того, кто стал для неё единственным светом в этой крошечной тьме.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	30
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	67
Глава 6	79
Глава 7	95
Глава 8	115
Глава 9	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Артемий Кяшкин Пепел Мирот. Дочь королевы ведм

Пролог

Ночь стояла сырая и тягучая. По зелёной траве, приминая росу, двигалась толпа. Мужчины перешёптывались, и эти голоса сливались с шелестом ветра в кронах — тихие, нервные, как предчувствие беды. В воздухе отчётливо витал страх, горький и липкий, но никто не поворачивал обратно. У всех была одна цель.

Лунный свет, холодный и серебряный, дополнял мерцание факелов. Поляну озаряли огни примерно двадцати свечей, зажатых в руках селян. Люди брели по полю, и тени их металась по траве, как живые. У каждого при себе нашлось орудие: вилы, колья, рейки от забора, лопаты. Словом, каждый крестьянин прихватил то, что, по его мнению, могло сгодиться для боя. Ну и факелы, разумеется. Всем известно, чего эти твари боятся пуще всего.

Луар шёл впереди всех. Он не оглядывался — весь его взор был прикован к тропе, на которой скоро должна была объявиться эта дрянь. Пот струился по его лбу, и он то и дело

смахивал его тыльной стороной ладони, но влага всё равно заливала глаза, смешиваясь с испариной.

Лицо у Луара было узкое, с заострённым подбородком и высоким лбом, обрамлённым тёмными, влажными от испарины прядями, — не воинственное, а скорее задумчивое, крестьянское, привыкшее щуриться от солнца. Глаза его, серые, с тёмной каймой, сейчас глядели жёстко, хотя руки, сжимавшие серп, чуть заметно дрожали.

Луар не был воином; за свою жизнь максимум, кого ему доводилось убивать, — куры. Никогда он не стремился стать солдатом, сама мысль, что придётся лишать жизни людей, казалась ему дикой. В руке он сжимал старый серп, доставшийся от деда. Этим инструментом долгие годы срезали только ячмень и пшеницу, и впервые лезвие могло быть использовано для иного. На крестьянине была лёгкая старая рубашка, талию стягивал кожаный ремень, и под этим ремнём бешено колотилось сердце.

С Луаром поравнялся Стим — высокий, плечистый дровосек, с рыжеватой бородой и лысой макушкой, блестящей при свете факелов. За поясом у него торчал ухоженный топор. Стим, как и все вокруг, был преисполнен долга и страха.

— Луар, я... — начал он и почесал бороду. — Я тут подумал: а что, если мы не найдём её? Ты уверен, что Сара видела её там? И вообще, что она видела?

Луар глянул на него, и в глазах его на миг блеснула сталь отчаяния.

— Разумеется, я верю ей! Вон за тем холмом, по её словам.

Мысленно он добавил: *«Если не найдём? Ты лучше бы думал, что делать, если найдём...»*

Луар отчётливо помнил то утро — до мельчайших деталей. Вот его жена Сара с сыном Алексом отправились за ягодами. Сам он остался дома и принялся готовить хлев к зиме. Дел навалилось много, и муж просто не мог пойти вместе с родными. Да и местность у них спокойная: ни волков, ни диких собак, ни разбойников. Словом, опасностей в их краях не водилось.

До этого дня.

Сара ворвалась в хлев вся в слезах. Её прекрасные тёмные волосы растрепались, платье испачкалось грязью. Женщина упала на колени и вцепилась в его ноги, сжимая их с такой силой, что ногти впились в кожу сквозь ткань. Он тщетно пытался вывести, что стряслось. Она не отвечала — её глаза были полны ужаса. Только спустя два часа, когда она смогла выговорить слова, Луар узнал правду. Он сразу бросился собирать местных мужиков. Благо, объяснять почти не пришлось: все здесь были одной большой семьёй.

— Мой сын... — выдохнул он, и голос его сорвался на шёпот. — ...у этой твари.

Сара осталась у других женщин. Никому из них не разрешили идти с мужчинами. Жена и не пыталась — у неё помутился рассудок.

Сердце Луара разрывалось. С одной стороны, он хотел обнять супругу, но с другой... Его мальчик! Маленький Алекс! Он вспомнил его улыбку, его глаза, похожие на материнские, и что-то внутри него оборвалось.

Стим умолк и вернулся к остальным. Дровосек стал что-то говорить им, но слова не долетали до ушей Луара. Он слышал только шум крови в ушах и далёкий звон собственного страха.

Процессия продвигалась всё дальше. И чем ближе селяне подходили к цели, тем тише становились разговоры. Даже шаги стали осторожнее, словно они боялись разбудить саму землю.

Вот из-за холма показались лучи света. И это был не лунный.

Мужчины притихли. Теперь Луар слышал их дыхание — хриплое, прерывистое, как у загнанных зверей. Все боялись, да и он сам — больше других.

Арка стояла в центре поляны, и она была неправильной — не той, что строят люди. Два массивных столба из тёмно-серого, почти чёрного камня, с прожилками, поблёскивавшими багрянцем, уходили вверх, поддерживая тяжёлую перекладину. Камень казался чуждым этой земле — его не встречали в здешних карьерах, он не был похож ни на гранит, ни на известняк, скорее — на застывшую лаву, но без единой поры, гладкий и холодный, как лёд. Всю поверхность врат покрывали символы — глубокие, чёткие, словно выре-

занные лучом, а не резцом. Они переплетались в затейливые узоры: круги, разорванные зигзаги, волнистые линии, которые при долгом взгляде начинали казаться живыми, движущимися по камню.

Между столбами висело зеркало — не стеклянное, не водное, а какое-то текучее, густое, похожее на ртуть. Оно не отражало поляну и мужчин по-настоящему — лишь искажённые силуэты, размытые тени, а иногда в его глубине мелькали очертания, которых здесь не было: башни, горы, чужое небо. Именно из него бил голубоватый, холодный свет — не живой, не тёплый, он не разгонял мрак, а скорее заменял его другим, чужим, от которого по коже бежали мурашки, а воздух становился тягучим, как патока.

От арки исходил едва слышный гул — низкий, вибрирующий, похожий на отдалённый перезвон колоколов под землёй. Трава вокруг неё пожухла и побурела, хотя на всей остальной поляне стояла густая зелень. Казалось, ворота высасывали жизнь из земли, оставляя вокруг себя лишь мёртвый круг, в который никто не решался ступить.

В этом мёртвом круге, в пожухлой траве, стояла она. Высокая, гибкая, с текучей грацией дикой кошки. Чёрные волосы, гладкие и блестящие, ниспадали до талии и шевелились без ветра, словно живые. Кожа её была фарфорово-бледной, почти прозрачной в голубоватом свете врат. Лицо — безупречное, нечеловечески красивое, но главное — глаза: огромные, фиолетовые, переливающиеся от сирени до сли-

вы, с искрами в глубине, в которых можно было утонуть. Тяжёлое чёрное платье струилось и переливалось, расшитое золотом, и от него исходил странный запах — свежей листвы, влажной земли и сладковатой гнили, с холодным металлическим привкусом. Она улыбнулась — широко, обнажая ровные зубы, — но в улыбке не было тепла: только спокойная, уверенная сила.

Рядом с ней стоял его Алекс. Мальчик слушал, что она ему говорила. Тёмные волосы — как у матери, худоба — от отца. Парень был высок для своих лет, но всё ещё не доставал даже до половины отцовского роста. На отца он даже не взглянул.

— Алекс! — крикнул Луар. — Алекс, иди сюда!

Ребёнок не шелохнулся.

— Сжечь ведьму! — заорали из толпы. Остальные подхватили гулким эхом.

Страх сковал тело Луара. Он вдруг осознал, какую глупость они все творят. Ему доводилось слышать об этих созданиях из преданий, и он знал: убить её простому смертному не под силу. Да он просто привёл людей на смерть!

Луар не успел опомниться, как толпа оттеснила его в сторону. Теперь не он командовал — его приказов больше не слушали. В их глазах зажглись жажда убийства и... алчность.

— Нет! — закричал он, но голос утонул в топоте и рёве.

Свет факелов заплясал по лицам, создавая контраст с ведьмиными вратами.

Луар ринулся вместе с мужиками. Но он не хотел убивать — он хотел защитить своего сына от них. В такой неразберихе мальчика могли зарубить за компанию.

Гулкий смех перекрыл шум толпы. Смеялась ведьма. На мгновение она замерла, склонив голову набок, и окинула толпу медленным, изучающим взглядом — как хищник, выбирающий жертву. Тишина длилась лишь миг, но Луару показалось, что она длилась вечность.

Первым на неё бросился Стим — размахнулся топором, целя в плечо. Ведьма даже не дрогнула. Она скользнула в сторону, и топор рассек пустоту, а её пальцы, уже превратившиеся в ножевидные когти, с лёгкостью вошли в грудь дровосека. Стим охнул и рухнул на колени, не успев понять, что произошло. Следом кинулись Льюис и старый Эдвард — оба с вилами наперевес. Ведьма рассмеялась и, крутанувшись волчком, перерезала обоим горло одним движением. Кровь брызнула на пожухлую траву, и тела осели, как скошенные снопы.

В одно мгновение она словно оказалась повсюду. Разъярённые крестьяне бросались на неё с факелами, надеясь опалить и ранить тварь, но чародейка играючи уклонялась от ударов. Её нежные пальцы превратились в длинные клинки. Подобно вихрю колдунья носилась по кругу и со смехом вонзала их в тела людей. Вспарывала животы, перерезала глотки, и кровь брызгала на её чёрный шёлк, делая его багровым.

В воздухе поплыл запах смерти. Люди кричали и стонали.

Луар пытался пробиться к сыну. Он и не думал добираться до ведьмы — все его мысли были только об Алексе.

Мальчик стоял у врат и, не моргая, смотрел на эту бойню. Его рубашка, в которой он утром вышел из дома, теперь пропиталась грязью и потом. Штаны порвались на коленях. Ребёнок что-то сжимал в кулаке, но Луар не мог разглядеть, что именно.

Дважды его чуть не сбили с ног тела знакомых с детства мужчин — сначала тело Сtima, затем безжизненный мешок, в котором он с трудом узнал Льюиса. И дважды Луар чудом удержался. Он перешагивал через них, через их кровь, и двигался вперёд — только вперёд.

— Алекс! Пойдём! — выкрикнул он, подбегая к сыну.

Мальчик смотрел сквозь отца. Его глаза... Что с ними стало? Они отражали фиолетовое сияние и были какими-то мёртвыми! Куда подевались те очи, унаследованные от матери?

— Алекс! — Луар попытался взять мальчика за руку.

Тут, словно впервые, ребёнок увидел отца. На краткий миг его взгляд сфокусировался, и в нём промелькнуло отдалённое узнавание. На миг он снова стал тем мальчиком, которого Луар знал.

— Папа? — прошептал мальчик, и в его голосе дрогнула надежда.

А в следующий миг с криком он вогнал что-то острое в бок отцу.

Луар охнул и осел на траву. Он скосил глаза и увидел, что из бока торчит длинный изогнутый нож. Мужчина выдернул его и застонал — звук вырвался глухой, животный. Кровь хлынула из раны, заливая рубашку и землю под ним.

— Алекс... За что? — на глазах отца выступили слёзы.

Очи мальчика снова стали стеклянными.

Луар повернулся и посмотрел на то, что осталось от толпы. Ведьма добивала последнего — это был Эдвард. Она со смехом поддела окровавленными ногтями его голову и рванула вверх. Хруст и стон стихли в темноте. Поляна была усеяна телами — его соседи, его друзья, его семья. Все они лежали неподвижно.

Луар лежал в собственной крови. Одной рукой он зажимал рваную рану в боку, другой скрёб по земле, пытаясь подтянуть тело. Он продвигался мучительно медленно — приходилось ещё и огибать груды трупов некогда односельчан. Он не знал, зачем ползёт, но какая-то часть его упрямо двигалась вперёд.

Ведьма присела на корточки и обняла мальчика. Её одежда пропиталась кровью: платье из чёрного стало бардовым. Алекс покачивал головой и что-то отвечал ей — неразборчиво, словно в полусне.

— Нет! — прошептал Луар. — Прошу, нет.

Чародейка глянула на него, затем подтолкнула мальчика

к вратам. Тот, не обернувшись, направился к ним. Миг — и тело ребёнка поглотила зеркальная гладь. Вспышка — и он исчез, словно его никогда и не было.

— Нет! — попытался закричать Луар, но вырвался лишь хриплый кашель. Из глаз хлынули слёзы, смешиваясь с кровью на его лице.

Ведьма встала и приблизилась к нему. Её походка была грациозна — такой позавидовали бы короли. Она ступала по телам, не обращая на них внимания, и остановилась прямо перед ним.

— Ты очень красивый мужчина, — промолвила она и игриво провела пальцем по окровавленным губам Луара. — Только поэтому ты ещё жив.

— Откуда ты взялась?

Колдунья усмехнулась и выпрямилась. Посмотрела на врата — на их чёрные камни, на мерцающую гладь.

— Этот мир скоро перестанет быть вашим, — объявила она и коснулась камней с символами. От её пальцев по ним побежали фиолетовые искры. — Я пришла сюда недавно. Врата явились со мной. Очень скоро всё переменится.

Луар попытался встать, и с невероятным трудом ему это удалось. Ноги едва держали, а рана в боку запульсировала болью, от которой потемнело в глазах.

— Мой сын... — выдавил он. — Верни его. Умоляю. Забери меня!

— Оох! — рассмеялась ведьма, и смех её разнёсся над

пустой поляной. — Вернуть тебе его я не могу, прости. Но одну услугу за небольшую плату я могу оказать.

— Я... Сделаю всё... Верни... его.

Подул лёгкий ветерок. Волосы ведьмы взметнулись, и она смахнула прядь с лица, открывая прекрасные черты взору Луара. На миг она показалась ему почти ангелом.

— Однажды, — начала она, и голос её стал задумчивым, — твой сын послужит великим целям. Мальчик смыслённый, очень умный. Ему понравится в мире за гранью. Однако я решила дать его отцу шанс спасти ребёнка. И попрошу за это сущую малость!

— Что... угодно...

Очи ведьмы блеснули. Она облизнула губы, словно пробуя на вкус его отчаяние. Когти, которыми она так расправилась с толпой, исчезли, но руки по-прежнему оставались в крови — тёплой, чужой, чёрной в лунном свете.

— Сущую малость, я же говорю. Всего-то одну маленькую душу.

Луар застонал и кивнул. Стоять становилось всё труднее с каждой секундой. Мир перед глазами качался, как корабль в шторм.

— Отлично! — Ведьма хлопнула в ладоши и подошла вплотную. Затем легонько подхватила его под локоть и повела к воротам. От неё пахло свежей листвой и смертью — этот запах заполнил его лёгкие, вытесняя всё остальное.

— У тебя будет возможность отыскать мальчика там. Бу-

дет непросто, но куда без этого. На поиски я отведу тебе... Хм... семьсот лет. Думаю, хватит, как считаешь? Ха!

Луар не мог ответить. В глазах темнело. Мир качался. Он понимал, что скоро умрёт. Как он выживет там, если уже почти мёртв?

Лицо сына... Алекс — самое дорогое, что у него есть. Он и Сара... Отец поклялся себе, что вернёт мальчика к матери, чего бы это ни стоило. Он сделает это.

Луар увидел своё отражение в зеркальной глади. Искажённое, бледное, с глазами, полными ужаса. А за спиной — в примятой траве — десятки изувеченных тел. Ведьма кромсала их с нечеловеческой быстротой и жестокостью. И Алекс... Ребёнок просто смотрел, не отрываясь. Луар точно это видел. И не понимал — почему.

— Я умру, — прошептал он, чувствуя, как холод смерти поднимается от ран. — Рана не позволит...

— Оох, об этом не волнуйся, — улыбнулась ведьма, и улыбка её была холоднее ночи. — Я не дам тебе умереть, пока ты не расплатишься. А теперь шагай!

Она толкнула его в врата. В лицо ударил холод, и мир перевернулся. Последним звуком, который услышал Луар, был пронзительный смех ведьмы, раздирающий тишину на части.

«Всё только начинается!» — прогремело в голове, и тьма поглотила его сознание.

Глава 1

Дождь барабанил по лобовому стеклу старенького «Форда» Мари — монотонный, настойчивый, как чужая боль. Скорость была под восемьдесят километров в час — не сказать чтобы смертельная, но и не черепашня, и Мари то и дело поглядывала на часы. Она опаздывала, и из-за этого инстинкт самосохранения дал сбой.

Асфальт блестел от дождя, превращаясь в скользкое зеркало, а сосны по обе стороны трассы смыкались над головой, создавая тёмный тоннель. В салоне пахло старым пластиком, мокрой курткой и той особенной сыростью, которая пробирается в машину через любые щели. Мари поёжилась, хотя печка работала на полную мощность.

— Да! Да! Да, Бард! — говорила она в трубку, вжимая телефон плечом в ухо. — Я всё это знаю и без тебя!

Вести одной рукой было не сложно, но маневрировать по мокрой дороге — задача не из лёгких. Когда-то давно отец научил молодую Мари водить, но с тех пор практики почти не было, и теперь она осталась с теми же навыками, что и в восемнадцать. Она сжала руль крепче, чувствуя, как вибрация мотора передаётся в ладони.

— Бард! Я успею на эту конференцию, не надо мне всё повторять по второму кругу!

Она могла бы выехать раньше, но тогда её ученики оста-

лись бы без подготовки к выпускному. А работа с детьми была для неё самым важным в жизни — она готова была на всё, лишь бы у них всё сложилось. Мари просто не могла их подвести. Она вспомнила лица своих учеников, их смех, их вопросы, и внутри стало теплее, хотя за окном лил холодный дождь.

Где-то в небе прогрохотал гром, и над дорогой полыхнула молния — настолько яркая, что на мгновение стало светло, как днём. Трасса сворачивала в сторону, уходя вглубь леса, и в свете молнии деревья казались чёрными скелетами.

— Бааард! — протянула Мари и закатила глаза. Бросила телефон на сиденье и сосредоточилась на дороге.

Сколько ещё он будет её доставать? Звонил уже в пятый раз. Она брала трубку только потому, что Бард был её руководителем на второй работе. Когда телефон зазвонил в шестой раз, Мари, чертыхнувшись, снова взяла его.

— Мари, ты меня слышишь? Мари! — раздался в трубке обеспокоенный голос Барда.

— Слышу, слышу! — отрезала она, но в этот момент молния полыхнула с новой силой — и Мари краем глаза заметила движение на дороге. Человек. Прямо перед ней. Высокий, тёмный силуэт, мокрые волосы, развевающиеся на ветру. Он стоял неподвижно, как изваяние, и в этом было что-то неправильное, неестественное.

— Господи! — вырвалось у неё, и трубка выпала из руки, ударившись о колено и улетев под сиденье.

Инстинкт сработал быстрее мысли: она резко вывернула руль в сторону, объезжая фигуру. Зад машины повело по мокрому асфальту, покрышки взвизгнули — пронзительно, отчаянно. Мари вцепилась в руль, пытаясь выровнять, чувствуя, как адреналин жжёт вены, но автомобиль не слушался. В следующее мгновение «Форд» с гулким ударом врезался в сосну.

На миг она оцепенела: грохот металла, боль от ремня, впившегося в грудь, звон разбитого стекла. Воздух наполнился запахом бензина и палёной проводки. И одна мысль: «Я сейчас умру». Сердце бешено колотилось, перед глазамиплыли пятна — красные, оранжевые, словно кто-то разбил фонарь внутри её головы. Но когда пар из-под капота начал затягивать треснувшее стекло, она медленно выдохнула и поняла — жива. Тело дрожало, дыхание сбилось, в ушах стоял звон, но она была жива.

«Вот это я успела на конференцию», — мелькнуло в голове. Мысль была до абсурда спокойной, и это спокойствие напугало её больше, чем сама авария.

Мари отстегнулась и с трудом открыла дверь. Свежесть соснового леса ударила в лицо, смешиваясь с запахом палёной проводки и горячего металла. Дождь хлестал по лицу, и она на мгновение зажмурилась, чувствуя, как холодные капли смешиваются с потом на лбу.

Она вышла и обошла машину — повреждения были серьёзными: капот смят, радиатор пробит, из-под него текла

тёплая жидкость, смешиваясь с дождевой водой. Но, судя по всему, автомобиль ещё можно было спасти. Потом подняла голову и посмотрела на дорогу.

Там, на мокром асфальте, лежал тот самый человек. Она готова была поклясться, что объехала его! Но он лежал неподвижно, и сердце Мари сжалось от ледяного предчувствия.

Она побежала к нему. Ноги ещё тряслись после пережитого ужаса, дождь хлестал в лицо, и она почти не чувствовала холода — только глухой стук собственного сердца. Она упала на колени рядом с незнакомцем и перевернула его на спину.

Краем глаза она заметила, что трава вокруг его тела пожелтела и побурела, словно кто-то высосал из неё жизнь, хотя на всей остальной обочине она была зелёной и сочной. Мари не придавала этому значения — слишком была занята страхом и тревогой. Она смахнула мокрые волосы с лица и наклонилась к нему.

Перед ней был юноша лет семнадцати — высокий, худощавый, с узкими плечами и длинными ногами, которые, казалось, не поместились бы даже на больничной койке. Его чёрные, спутанные волосы спадали почти до пояса, грязными прядями закрывая лицо — они выглядели так, будто их не стригли многие годы. При этом на подбородке не было ни намёка на растительность — только бледная, почти прозрачная кожа. Черты лица у него были правильными, даже красивыми: тонкий нос, чётко очерченные скулы, пусть и за-

павшие от истощения, и губы с едва заметной голу­бизной, как у тех, кто долго был на холоде. И он был холодным. Когда Мари коснулась его щеки, чтобы отвести мокрые пряди, она почувствовала, что его кожа почти ледяная, хотя воздух вокруг не был таким холодным.

Но больше всего Мари поразили его глаза. Когда она отвела мокрые пряди со лба, веки парня слегка приоткрылись, и она увидела их — фиолетовые, чистые, словно драгоценные камни, без единого вкрапления иного цвета. Они ка­зались нечеловеческими, светящимися в полумраке, и в них плескалась такая глубина, что Мари на миг забыла, как ды­шать. Это были не просто красивые глаза — они смотрели на мир с какой-то древней, болезненной мудростью, совсем не соответствующей юному лицу. В них была пустота, но не та, что бывает после травмы, а та, что бывает у тех, кто видел слишком много.

А потом она опустила взгляд на его руки и вскрикнула. От запястий до плеч всё было покрыто ужасными шрамами — длинными, извилистыми, глубокими, пересекавшими ко­жу во всех направлениях. Некоторые перерезали вены, дру­гие шли вдоль мышц, будто кто-то методично, с жестокой аккуратностью, оставлял эти следы. Шрамы были старыми, давно зажившими, но кое-где виднелась запёкшаяся кровь, словно свежие ранки поверх старых рубцов. Руки были ху­дыми, с выступающими суставами, и на них не было ни еди­ного участка нетронутой кожи.

Мари почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она видела многое в своей жизни, но такое — впервые. Она заставила себя сделать глубокий вдох и отвела взгляд.

— Что с тобой произошло? — прошептала она, хотя знала, что он не ответит.

Руки дрожали не только от холода. Она заставила себя подняться и, спотыкаясь, побежала к машине за телефоном. Телефон нашёлся под сиденьем, экран был разбит, но работал. Она набрала «112» дрожащими пальцами и, пока ждала ответа, смотрела на неподвижную фигуру на дороге. Дождь продолжал хлестать, размывая следы крови на асфальте.

В машине скорой было тесно и влажно. Пахло дезинфекцией, мокрым пластиком и той особенной больничной стерильностью, которая не перебивает, а лишь маскирует более глубокие запахи — крови, пота, страха. Мари сидела на откидном сиденье, вцепившись в поручень, и смотрела на парня. Он лежал на носилках неподвижно, почти не дыша. Дыхание было таким ровным, что Мари на мгновение показалось — он не дышит вовсе. Она невольно коснулась его руки, проверяя, жив ли он. Кожа была холодной, но пульс — слабый, но ровный — бился под её пальцами. Она не убрала руку. Дождь барабанил по крыше, и в этом монотонном шуме было что-то успокаивающее и одновременно пугающее. Скорая мчалась по мокрой дороге, и Мари смотрела на блед-

ное лицо незнакомца, чувствуя, как внутри неё зарождается что-то новое — странное, тревожное чувство ответственности перед этим почти не живым человеком.

В больнице Мари сидела на пластиковой скамейке в коридоре и смотрела на свои трясущиеся руки. Ей дали сухую одежду и горячий чай, но она всё равно не могла согреться. Холод пробрался внутрь, и никакой чай не мог его выгнать. В голове крутились картины: молния, тёмный силуэт на дороге, фиолетовые глаза, шрамы. И пожухлая трава. Странная деталь, которая теперь всплывала в памяти и заставляла чувствовать себя неловко. Она закрыла лицо ладонями и глубоко выдохнула. Пахло больницей — дезинфекцией, лекарствами, чужой болью. Она ненавидела этот запах.

— Мисс Гертан?

Она подняла голову. Перед ней стоял высокий седоватый врач в белом халате. У него было усталое, но внимательное лицо, и он смотрел на неё с смесью профессионального интереса и беспокойства. Он машинально потёр переносицу, словно эта привычка стала для него почти рефлексорной.

— Я доктор Деррик. Вы — та женщина, что привезла парня?

— Да, — кивнула она и встала, чувствуя, как затекли ноги.
— Как он?

— Жив. Пришёл в себя, но ничего не помнит. Амнезия.

— Деррик покачал головой, и в его голосе послышалась нотка тревоги. — Всё тело в шрамах, кости срослись неправильно, словно их ломали много раз. И глаза... фиолетовые. Я такое впервые вижу.

— Я тоже, — тихо сказала Мари. — Я не знаю, кто он. Я его не сбивала, он лежал на дороге, когда я уже врезалась.

Деррик посмотрел на неё долгим взглядом — в нём читалось недоверие, но он только пожал плечами, и в этом жесте была усталость человека, который слишком многое видел.

— Я врач, а не следователь, мисс Гертан. Вы привезли его живым — и на том спасибо.

Он развернул историю болезни и покачал головой, водя пальцем по строчкам, словно проверяя себя.

— У парня множественные старые переломы, многие срослись неправильно. На руках и спине — глубокие рубцы, оставленные острым предметом. По расположению и характеру они не случайные, а систематические, наносились с интервалами, скорее всего, на протяжении нескольких лет. Это не результат несчастного случая. — Он помолчал и добавил тише, с ноткой неподдельного интереса, которая граничила с одержимостью: — И глаза... фиолетовые. Я за тридцать лет практики такого не видел. Это не поддаётся медицинскому объяснению. Я бы очень хотел понять, что с ним произошло. Это не просто медицинский случай — это загадка. Знаете, я даже не знаю, что написать в диагнозе. Впервые в жизни я растерян.

Он снова потёр переносицу, словно эта привычка помогала ему собраться с мыслями. Закрыв папку и посмотрел на Мари. В его взгляде читалась тревога, которую он пытался скрыть за профессиональной сдержанностью.

— Если его никто не ищет, значит, либо он никому не нужен, либо те, кто это сделал, не хотят, чтобы его нашли.

Мари побледнела. Слова Деррика повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как мокрая ткань.

— Что по его родителям? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Никто его не ищет. Мы обзвонили все приюты, дали объявления — безрезультатно.

Мари замолчала. Она посмотрела на дверь палаты, за которой лежал этот странный, избитый парень. Её внутренний голос кричал: «Ты с ума сошла? У тебя работа, ученики, ты и так едва сводишь концы с концами!». Она представила, как будет объяснять опеку соседям, начальству, как будет таскать его по врачам и разбираться с документами. Но потом она вспомнила его глаза — потерянные, растерянные, полные такой боли и одиночества, что от одной мысли у неё сжалось сердце. Она почувствовала, как где-то внутри, в самом глубоком месте души, шевельнулось что-то материнское, что она считала давно уснувшим.

«Я не могу его бросить», — подумала она, и эта мысль была не громкой, не решительной — она просто пришла и осталась, как дождь за окном.

Она подняла глаза на Деррика и твёрдо произнесла:
— Я возьму его под опеку, пока не найдутся родные.
Деррик кивнул. В его взгляде мелькнуло что-то похожее
на уважение.
— Хорошо, — сказал он. — Я подготовлю документы.

Когда Мари вошла в палату, Алекс уже не спал. Он сидел на койке, поджав длинные ноги, и смотрел в стену — абсолютно неподвижно, почти как статуя. При звуке шагов он медленно повернул голову, и Мари на мгновение показалось, что его фиолетовые глаза смотрят на неё с пугающей ясностью — без страха, без растерянности, только холодное, оценивающее спокойствие. В этом взгляде не было ничего человеческого — только древняя, выжженная пустота, и Мари почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она моргнула, и видение исчезло. Теперь в его взгляде была та же потерянность, что и раньше. Наверное, просто показалось — после аварии всё плыло перед глазами.

— Кто ты? — спросил он. Голос дрогнул, но в нём была какая-то странная, пугающая ровность, словно он задавал этот вопрос не в первый раз и знал, что ответа не будет.

— Я Мари, — мягко сказала она, присаживаясь на стул рядом с койкой. Она старалась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Я спасла тебя. Ты лежал на дороге.

Он смотрел на неё несколько секунд, потом отвернулся

к стене. В его молчании было что-то тяжёлое, почти осязаемое.

— Я не помню, — прошептал он. — Ничего. Только имя. Алекс.

— Алекс, — повторила она. — А родители? Ты помнишь их? Где ты жил?

Он нахмурился, сжал виски ладонями, и Мари заметила, как подрагивают его пальцы — от напряжения или от боли, она не могла понять.

— Нет... — голос его сорвался, и в этом срыве проскользнуло что-то настоящее, — Я пытаюсь, но ничего. Только тьма. И боль.

Он сжал руки в кулаки, и шрамы на его предплечьях напряглись, став ещё более отчётливыми. Мари хотела коснуться его, успокоить, но что-то остановило её. Она не могла объяснить почему.

— Не надо, — тихо сказала она. — Не заставляй себя. Всё вернётся со временем.

Алекс опустил руки и снова посмотрел на неё. В его глазах была пустота, но Мари вдруг заметила, что он не моргает. Ни разу за всё время разговора. Это было неестественно, почти жутко. Она отвела взгляд, чувствуя, как по спине снова пробежал холодок — более сильный, чем в прошлый раз. И дыхание его было слишком ровным, почти механическим — без обычных микродвижений спящего человека.

— Ты мне не врешь? — спросил он. Голос его дрогнул, и

Мари показалось, что уголки его губ чуть заметно дёрнулись — не улыбка, а что-то похожее на усмешку, которую она, наверное, просто придумала. — Ты правда меня не ударила?

— Нет, — твёрдо сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я видела тебя на дороге и пыталась объехать. Ты возник из пустоты.

На одно мгновение — всего на мгновение — в его глазах мелькнуло что-то острое, почти хищное. Мари увидела в них ту же ясность, что и в первый раз, и её дыхание перехватило. А затем снова наступила пустота. Мари замерла, пытаясь понять, не почудилось ли ей. Но он смотрел на неё спокойно, даже беззащитно, и она выдохнула. Просто усталость. Она очень устала.

Она протянула руку, чтобы поправить его волосы, как сделала бы с ребёнком. Он не дёрнулся, и Мари решила, что он просто слишком слаб, чтобы реагировать. Но когда её пальцы коснулись его волос, она почувствовала, что они были влажными и холодными, хотя прошло уже несколько часов с тех пор, как она привезла его в больницу. И дыхание его было таким ровным, что она почти не слышала его.

— Я позабочусь о тебе, — сказала она. — Хорошо?

Он посмотрел на её руку, потом на неё и медленно кивнул. В его взгляде не было ни благодарности, ни тепла — только пустота. Мари подумала, что так бывает после тяжёлой травмы, и не стала заикливаться.

— Отдыхай, — тихо сказала она. — Я рядом.

Он лёг на подушку, отвернулся к стене и закрыл глаза. Через минуту дыхание стало ровным — слишком ровным, почти механическим. Мари посидела ещё немного, глядя на его тёмную фигуру, и в голове у неё крутились обрывки: холодный взгляд, отсутствие моргания, странная усмешка, пожухлая трава, ледяная кожа. Она была слишком измотана, чтобы анализировать. Она встала, бесшумно вышла из палаты и прислонилась спиной к холодной стене коридора.

Глава 2

Мари обернулась и взглянула на Алекса. Парень стоял на пороге её квартиры и с подозрением оглядывал пространство, словно готовый в любой момент защищаться. Его фиолетовые глаза скользили по стенам, по старому шкафу, по пыльному серванту, и в этом взгляде было что-то настороженное, почти звериное.

Она вспомнила, как он смотрел на такси несколько часов назад: глаза стали круглыми, будто он видел машину впервые. Он согласился сесть в неё, но всю дорогу сидел на краю сиденья, сжав кулаки, и вёл себя так, словно в любой момент готов был биться за свою жизнь. При этом Алекс постоянно теребил бинты на руках, стараясь поправить их, словно хотел стянуть повязки и проверить, на месте ли его шрамы. Он не решался этого сделать при ней, но Мари заметила, как его пальцы снова и снова возвращаются к краю бинта на запястье.

Мари положила трубку и вздохнула. Проблем навалилось с избытком. До этого ей позвонили из автосервиса и сказали, что легче купить новую машину, чем чинить старую — двигатель — всмятку, кузов не подлежит восстановлению. Замечательно. Да ещё и Бард: судя по его тону, её могут уволить за прогул конференции. Придётся писать подробный отчёт о том, почему она не явилась, и оправдываться перед началь-

ством. Ещё лучше.

Алекса выписали из больницы на следующее утро, и вот теперь она привела парня к себе домой.

Жила она в двушке в центре Эл, откуда до школы было рукой подать. Район тихий, если не считать железной дороги неподалёку, по которой то и дело мчались поезда. Их гул иногда сотрясал стены, но Мари давно привыкла и не замечала. Мужа у неё не было, а дочь давно съехала и вела собственную жизнь где-то далеко. Мари не винила её — всё понимала. Дочь не звонила уже несколько лет, а на редкие сообщения отвечала с лёгким пренебрежением, словно напоминая матери, что теперь у неё своя жизнь.

— Ну, Алекс, — сказала она как можно более жизнерадостно, стараясь прогнать усталость. — Как тебе мой дом? Я поселю тебя в комнате моей дочери. Думаю, она не будет против.

Парень огляделся, затем медленно переступил порог. Его движения были скованными — он словно проверял каждый сантиметр пола, прежде чем поставить ногу. Он подошёл к старому шкафу, провёл пальцем по стеклянной дверце, и на мгновение его лицо озарилось неподдельным удивлением — будто он впервые видел зеркальную поверхность. Затем он отвернулся и посмотрел на люстру. Такая же старая, как и всегда. Её вешал ещё отец Мари, когда-то давно, и она помнила, как в детстве разглядывала хрустальные подвески. Почему-то именно люстра вызвала у парня долгий, изучающий

взгляд. Затем он подошёл к столу, на котором лежала газета, взял её в руки и повертел, разглядывая с обеих сторон, словно это был неведомый артефакт.

— А можно мне другой пергамент? — спросил он, не поднимая глаз. — Я бы хотел ознакомиться с информацией.

«Пергамент? Ну и шуточки».

— Ну, — протянула Мари, стараясь не показывать удивления, — боюсь, пергаментов у меня нет. Но есть кое-что другое. Компьютер подойдёт?

Алекс озадаченно выгнул бровь, и на его лице мелькнуло что-то похожее на недоверие.

— А его можно читать?

— Можно, — улыбнулась Мари. — Я покажу.

Следующие два часа она объясняла Алексу, как пользоваться компьютером. Она рассказывала о мыши, о клавиатуре, о том, как открывать браузер, а он сидел, чуть наклонив голову, и слушал с таким напряжённым вниманием, будто от каждого её слова зависела его жизнь. При виде техники его глаза снова становились круглыми, как монеты, а пальцы в бинтах то сжимались, то разжимались, словно он боролся с желанием коснуться экрана или, наоборот, отшатнуться. Он то и дело спрашивал о разных вещах: почему картинки двигаются, как звук попадает в маленькую коробочку, зачем нужна эта «паутина». Мари приходилось искать простые ответы, подбирать слова так, чтобы он понял. Ей казалось, будто она разговаривает с маленьким ребёнком, который впер-

вые увидел мир за пределами своей комнаты. В душе она улыбалась — это напоминало те далёкие времена, когда её дочь задавала подобные вопросы, сидя у неё на коленях.

Но сквозь эту детскую наивность то и дело пробивалось что-то другое. Когда он смотрел на экран, в его глазах мелькала странная, почти хищная сосредоточенность — будто он не просто учился, а впитывал информацию, анализировал, запоминал на уровне, недоступном обычному человеку. Мари отмахивалась от этих мыслей, списывая их на усталость.

Вскоре парень освоился и начал пользоваться интернетом без её помощи. Он открывал вкладки одно за другим, и его пальцы, всё ещё в бинтах, двигались по клавиатуре с пугающей лёгкостью. Мари с чувством выполненного долга ушла готовить обед.

Готовить ей приходилось нечасто — обычно она перехватывала на ходу, что попадётся под руку. Но для такого дела пришлось потрудиться. Она достала старую кастрюлю, нарезала овощи, поставила суп на плиту. Еда вышла незамысловатой: лёгкий салат, овощной суп и немного мяса. Когда-то давно Мари часто готовила, и навык ещё не был утрачен, хотя руки уже не помнили прежней уверенности.

— Алекс! — позвала она, вытирая руки о полотенце. — Не против поесть?

Ответа не последовало. Мари поставила чайник и позвала снова, громче. Тишина. Она нахмурилась и пошла посмотреть, чем занят парень.

Алекс сидел за компьютером, и его пальцы летали по клавиатуре с такой скоростью, что Мари едва успевала следить за ними. Лента новостей пролетала перед его глазами, сменяя одну страницу за другой, словно он не читал, а сканировал информацию. Сайты мелькали, тексты сливались в сплошную полосу. У Мари зарябило в глазах.

— Алекс... это не игрушки! — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал строго, но внутри неё шевельнулся холодок.

Он оторвал взгляд от монитора и посмотрел на неё. Его фиолетовые глаза — слишком яркие, слишком немигающие — смотрели на неё с пугающей ясностью. На мгновение Мари почувствовала себя не в своей квартире, а в лаборатории, где её изучают под микроскопом.

— Ваша история не самая лучшая, — сказал он ровным голосом.

— Чего?

— История мира, — пояснил парень, и его голос звучал отстранённо, словно он делал вывод о чём-то давно известном. — Вся история человечества.

— Ну... — озадаченно протянула она, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Я не совсем понимаю...

— Люди только и пытаются убивать. Война у вас в крови. Теперь понятно, почему вы не можете жить в мире.

Мари передёрнуло. В его голосе не было злобы, не было эмоций — только холодная, беспристрастная констатация факта, как у учёного, описывающего поведение подопытных.

Он смотрел на неё не как на спасительницу, а как на представителя враждебного вида, которого изучает с безопасного расстояния. Она поёжилась, но заставила себя улыбнуться. Холодок, пробежавший по коже, не проходил до самого вечера.

— Это ты прочитал в интернете или что-то вспомнил? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Прочитал.

«Меня не было тридцать минут. Прочитал он, ага».

— В общем, мы поговорим об этом чуть позже, сперва надо поесть! — Мари почесала затылок, чувствуя, как её улыбка становится натянутой. Она не знала, как реагировать. Если он ничего не помнит, как он мог за какие-то полчаса прочитать такое?

Ел Алекс быстро, но при этом просматривал каждый кусочек салата и овоща по отдельности, подносил к лицу, прихлебывался. Казалось, он проверял еду на наличие яда или какого-то подвоха. Каждое движение было осторожным, почти подозрительным, и Мари заметила, как его пальцы дрожат, когда он берёт ложку. Он не доверял ей. Он не доверял этому миру.

— Алекс, — начала Мари, когда он отложил вилку. — Ты совсем ничего не помнишь? Откуда ты? Звонил доктор Деррик. Он говорит, что ничего не смог найти по поводу твоих родителей. Никакой информации о тебе.

Парень не поднимал головы, смотрел в тарелку. Его чёр-

ные волосы свисали чуть ли не до стола, скрывая лицо. Позже надо будет отвести его в парикмахерскую. Плечи даже в широкой рубашке, которую дал Деррик, казались худыми — проступали лопатки, и сквозь тонкую ткань угадывались очертания рёбер. Парень действительно был очень худощавым, до измождения.

— Мои родители умерли, — наконец сказал он. Голос его был тихим, почти безжизненным. — Я не помню точно, когда это было... Я был совсем маленьким. Это всё, что я могу сказать.

— Так ты сирота! — выдохнула Мари. Мысли заметались: возможно, сбежал из какого-то приюта... Но тогда заявили бы о пропаже... Врёт или говорит правду? Она не могла понять. В его голосе не было фальши, но было что-то другое — стена, которую он возводил между собой и миром. Она решила пока не давить.

Мари опустила голову и лениво поковырялась в тарелке. Есть резко перехотелось. Конечно, это был её долг — помочь парню, попавшему в беду. Другого выбора она не видела. Но в глубине души шевелился страх, который она не могла объяснить.

— Ладно, разберёмся с этим, — сказала она, убирая пустые тарелки, и постаралась сменить тему: — Думаю, нам стоит сходить в магазин и прикупить тебе вещей, как считаешь? Да и в школу тебя определим.

Парень кивнул, словно только этого и ждал. Он доел свою

еду и помог убрать посуду. Но когда один бинт сбилсЯ в сторону, открыв участок кожи, он едва не выронил тарелку — с такой панической спешкой принялся поправлять повязку, натягивая её на запястье. Мари заметила, что на его лице мелькнула тень ужаса — быстрого, острого, как удар ножом, — которая почти сразу сменилась привычным безразличием. Его пальцы дрожали, когда он затягивал бинт, и он несколько раз проверил, плотно ли он сидит, прежде чем убрать руки за спину.

Она решила не придавать этому значения — мало ли, что произошло с ним в «прошлой жизни».

В магазине они быстро выбрали несколько вещей: простые рубашки, джинсы, куртку. Алекс сам попросил купить длинные кожаные перчатки по локоть — он натянул их сразу, прямо в примерочной, и когда вышел, Мари заметила, как его плечи чуть расслабились. Теперь шрамы были надёжно скрыты, и парень заметно приободрился, хотя в его глазах всё ещё оставалась настороженность. Он несколько раз сжал и разжал пальцы в перчатках, словно проверяя, не мешают ли они ему двигаться.

Остаток дня прошёл спокойно. Вечером Мари рассказала ему о школе, о том, что он пойдёт в её класс, и Алекс, казалось, был доволен — он даже улыбнулся, и эта улыбка была почти человеческой. Но когда ночью она проснулась от света, пробивавшегося из-под двери соседней комнаты, и заглянула туда, её сердце пропустило удар.

Он сидел за компьютером. Лента новостей пролетала перед его глазами с немыслимой скоростью — страницы сменяли друг друга быстрее, чем она успевала моргнуть. А его цвета аметиста глаза полыхали в темноте, как два фонарика, отражая холодный свет монитора. Он не моргал, не шевелился. Алекс просто смотрел, впитывал, запоминал.

«Кто же ты?» — подумала она, чувствуя, как по спине пробегает холодок, не имеющий ничего общего с ночной прохладой. Что-то в его позе было неправильным — слишком неподвижным, слишком чужим для этого мира. Она тихо прикрыла дверь, стараясь не шуметь, и долго стояла в коридоре, прислушиваясь к тишине, прежде чем вернуться в свою комнату.

Глава 3

— Сегодня придёт новенький! — Катрин аж подпрыгивала на стуле от нетерпения. Её глаза, привычно огромные, сияли предвкушением, а губы — пухлые, бантиком — были капризно оттопырены. Считалось, что такие губы приводят девушек к светлой и беззаботной жизни, и Катрин свято в это верила. Она была глупой куклой, не более того, — по крайней мере, так думали все. Однако именно это и привлекало к ней парней: лёгкость, доступность, отсутствие сложностей. Мегги знала то, чего не знал никто: по ночам Катрин рисовала — не просто так, а потрясающие портреты маслом, которые прятала под кроватью, боясь, что если кто-то узнает, её перестанут воспринимать всерьёз. Она была не так проста, как казалась, но предпочитала носить маску.

Школа была старой, с высокими потолками и облупившейся краской на стенах. В коридорах вечно пахло мелом, дешёвым освежителем воздуха и затхлостью старых учебников. Доски объявлений пестрели пожелтевшими объявлениями, а на подоконниках скапливалась вековая пыль. Но ученики уже не замечали этой унылой обстановки — для них школа была просто местом, где они проводили время между вечеринками, сплетнями и редкими попытками сдать экзамены.

Мегги покачала головой и отвернулась от подруги. Она

попыталась вчитаться в учебник по анатомии, но из-за гомона было трудно сосредоточиться. Перемена была в разгаре, и голоса одноклассников сливались в сплошной гул, который бил по вискам. Она чувствовала, как вчерашний алкоголь ещё отдаётся тупой тяжестью в затылке.

«Чёрт, лучше бы я дома этим занялась!»

— Интересно, какой он? — не унималась Катрин. Девушка продолжала ёрзать на стуле, её светлые косички вертелись во все стороны, а юбка задиралась чуть выше допустимого. — Есть ли у него девушка? Ах, если он свободен, я первая! — Вот придёт — и сама у него спросишь! — отозвалась с соседнего ряда Сью.

Мегги посмотрела на темноволосую девушку. Ну да, зубрилка Сью. Всегда первая в учёбе, но последняя в любви. Сью постоянно что-то учила, чтобы потом блеснуть перед преподавателями, и её репутация «ботаника» была нерушима. Правда, никто не знал, что по вечерам она слушает тяжёлый рок, закрывшись в наушниках, и мечтает стать вокалисткой в группе, но боится, что родители узнают. Её тёмные волосы, всегда собранные в строгий хвост, были её маской.

— Говорят, он высокий! — Катрин закатила глаза и прикусила нижнюю губу. — И черноволосый! Ах! Расстегну-ка я ещё одну пуговичку, вдруг он не разглядит.

«Когда же ты утомилшься?» — Мегги вздохнула, чувствуя, как вчерашняя усталость давит на плечи.

Буквы расплывались перед глазами. Смысл слов ускользал. Ну конечно, после такой-то ночи. Интересно, а мать уже узнала, что она не ночевала дома? Наверное, нет, иначе бы уже поднялся ор. Впрочем, ей было почти всё равно.

Странно, но у Катрин от выпитого спиртного совершенно не болела голова. Подружка могла хоть всю ночь пить и веселиться, а наутро по-прежнему была бодра, свежа и искала себе новую жертву. Удивительное свойство. Про уроки девушка и не думала, для неё это было лишним компонентом в жизни.

Увы, но Мегги была не такой. Да, она любила развеяться, сходить с друзьями в какой-нибудь бар. Благо, Сэм мог спокойно проводить несовершеннолетних в такие заведения. Везёт, что у него были богатые родители и масса знакомых во всех сферах жизни. Да, с ним не соскучишься.

И всё же такая жизнь изрядно стала надоедать Мегги. Её уже не так радовали клубы, и меньше привлекали крутые тачки. Да и Сэм стал ее раздражать. Разумеется, он был красавчиком — от его мышц все девушки были без ума. Светлые волосы всегда красиво уложены, всегда одет с иголочки. Парень был спортсменом, и многие пророчили ему светлое будущее в спорте. И да, он был весёлым. Однако что-то отталкивало Мегги от него. Она и сама не могла объяснить себе, что было не так. Что-то в его глазах — слишком самоуверенное, слишком собственническое — вызывало у неё глухое раздражение. Но Сэм души в ней не чаял, и это тяготило.

С этим надо было срочно что-то делать.

Сколько сердец она уже разбила? Десять? Собственно, ничего нового не произойдёт, если в копилку Мегги добавится ещё одно.

— Вы слышали? — по рядам к девушкам бежала Кэти. Как всегда, её волосы были заплетены в причудливые косички, а лицо покрыто россыпью прыщей. Да, хорошо, когда есть страшная подруга — она всегда оттеняет твою красоту. Но если бы они знали, что Кэти — гений в математике, выигравшая несколько олимпиад, которые держит в секрете, потому что боится, что её не поймут, — тогда бы они удивились. Кэти была умнее всех, но предпочитала притворяться душой.

— Да! Слышали! — Катрин вцепилась руками в парту с такой силой, что на дереве остались её ноготочки. — Новенький!

— Нуу... — Кэти выпучила глаза. — Так-то я хотела вам сказать, что мистер Дуар опять упал посреди коридора... Но новенький — это тоже круто, ага.

Мегги вздохнула. Мистер Дуар. Когда-нибудь этого олуха уволят из школы. Как вообще могли допустить к детям человека, страдающего эпилепсией? Мама говорила, что его держат из жалости, и скоро будет последняя капля. Мегги надеялась, что это была именно она.

Зазвенел звонок.

Все ученики стали рассаживаться по местам. Вот прошли

мимо их парты Томас и Лью, переговариваясь и смеясь над чем-то. Вот величаво, задрвав свою тупую башку, прошёл Грод. И вон расселся Сэм. Парень посмотрел на свою почти бывшую девушку и улыбнулся Мегги — той самой улыбкой, которая, по его мнению, должна была растопить её сердце. Да, определённо, скоро бывшую.

Дверь класса распахнулась, и вошла «грымза» Мари Гертан. В своём обтягивающем синем платье она выглядела глупо: оно шло такими складками на боках училки, что противно было смотреть. А эти бездарные очки в толстой оправе? Мегги аж перекосило. Не уродина, но зачем же так одеваться? Неужели нет каких-то других одежд? Абсурд!

Грымза обернулась и поманила рукой.

В класс вошёл он. Катрин рядом ахнула. И вздохнула даже зубрилка Сю. А уж её-то трудно было чем-то пронять, кроме учёбы!

Парень и вправду был высоким — выше большинства одноклассников. Густые чёрные волосы до плеч скрывали уши и часть лица, падая на высокий лоб. Ровная прямая спина — он явно был знаком с этикетом, держался с такой непринуждённой грацией, словно привык к вниманию. Костюм, белая рубашка — всё сидело на нём идеально. Одежда очень шла ему, про себя отметила Мегги.

Почему-то на руках у него были чёрные кожаные перчатки, плотно обтягивающие пальцы. Кто-то с передних парт (кажется, это был Сэм) что-то пошутил, и его дружки засме-

ались, но Мегги не разобрала слов. Однако перчатки шли и приятно гармонировали с костюмом, придавая ему загадочный, почти старомодный вид.

— Здравствуйте, дети, — громко сказала гримза, и её голос прозвучал неестественно бодро. — Я представляю вам вашего нового одноклассника. Его зовут Алекс.

Парень медленно повернулся к классу, и впервые Мегги смогла рассмотреть его лицо за волосами.

Рядом снова пискнула Катрин. И, кажется, на этот раз едва заметно ахнула сама Мегги.

Эти глаза! У новенького были абсолютно фиолетовые зрачки — глубокие, насыщенные, словно в них плескалась сама тьма, подсвеченная изнутри. Даже с такого расстояния была видна их пугающая глубина, и казалось, что они видят тебя насквозь, проникая в самые потаённые мысли. Парень словно излучал какую-то неведомую силу, от которой мурашки бежали по всему телу, заставляя кожу покрываться холодной дрожью. Мегги почувствовала, как её дыхание перехватило, а сердце пропустило удар.

Мегги редко обращала внимание на красоту парней. Она привыкла к тому, что ее знакомые богаты и со связями, на их внешность же было ровным счётом плевать. Как говорила её мать — не с лица пить воду, а из кошелька черпать. Но тут Мегги просто не могла не отметить, что этот Алекс был... наверное, самым красивым парнем, какого ей доводилось видеть в своей жизни. Ровные, подтянутые скулы, нос

идеальной формы, пухлые губы, чуть тронутые бледностью. Юношу можно было бы назвать слащавым, если бы не угловатый подбородок, который придавал ему какую-то дерзкую изюминку, делая черты более мужскими. И эти глаза! От них нельзя было отвести взгляд — они затягивали, завораживали, обещали что-то тайное и опасное.

Парень медленно оглядывал аудиторию, на краткий миг задерживая своё внимание на каждом ученике. Его взгляд скользил по лицам безразлично, почти скучающе, но под этой маской чувствовалась настороженность хищника, изучающего новую территорию.

На Мегги он посмотрел последней. И когда их глаза встретились, что-то внутри у девушки произошло. Как будто весь мир перестал существовать. Словно все эти люди, которые их сейчас окружали, вдруг исчезли, растворились в воздухе, остались только они двое в центре пустоты. Эти глаза — фиолетовые омуты, в которых она видела бездну, — почему они кажутся ей такими родными? Такими знакомыми, словно она ждала этого взгляда всю свою жизнь, сама того не зная.

Алекс улыбнулся ей. Чуть заметно, одними уголками губ, но эта улыбка была адресована только ей. Улыбнулся и отвёл взгляд, словно не придавал этому значения. Всё прошло, и Мегги только теперь поняла, что затаила дыхание. Да и если бы она захотела дышать, то не смогла бы — воздух словно застыл в лёгких. Сердце колотилось с такой силой, что, каза-

лось, готово было выпрыгнуть из груди и упасть на пол. Что с ней произошло?

«Может, я просто пьяна? — подумала она, пытаясь прийти в себя.— Нет, я трезва... Странно, это не похоже на обычное влечение. Что-то в нём другое... Я чувствую это кожей, но не могу объяснить. Это сильнее меня».

Она попыталась успокоить дыхание, но тело не слушалось. Внутри всё кипело, требовало ответа, требовало ещё одного взгляда.

Дальше парень медленно пошёл вперёд по ступенькам, поднимаясь вверх к свободным партам. Кто-то из дружков Сэма — Том, кажется — выставил ногу, надеясь, что новенький споткнётся и опозорится. Но Алекс просто перешагнул её, даже не взглянув вниз, словно препятствия для него не существовали. Парень даже не посмотрел в их сторону, и это было оскорбительнее любой грубости. А когда он проходил мимо парты Сэма, Мегги заметила на лице Алекса едва заметную усмешку — словно он знал что-то, чего не знали они. Усмешку, которая тут же исчезла, сменившись привычным безразличием, будто он только что оценил всех присутствующих и вынес свой приговор.

Мегги не могла оторвать взгляда от парня. Кто он? Откуда? Как он оказался здесь?

Огорчению девушки не было предела, когда он, вместо того чтобы сесть рядом с ней и Катрин, прошёл в сторону по рядам и устроился в самом углу, за последней партой. Совсем

один, словно предпочитал наблюдать со стороны, не вливаясь в общую массу.

— Ну и ну! — прошептала Катрин, прикусив губу. — Ты видела, как он на меня смотрел? Кажется, парень без ума от меня! Да, я это видела! Какой же он хорошенький! Я просто таю!

Мегги отвлеклась от Алекса и посмотрела на подругу. Затем улыбнулась ей и кивнула, хотя внутри всё сжалось от досады.

«Ну конечно, на тебя он смотрел, ага».

Весь урок Мегги безуспешно пыталась поймать его взгляд. Она поворачивалась, тянулась, искала любую возможность — хоть на краткий миг пересечься с ним глазами и снова пережить тот момент единения, ту вспышку, которая переворнула её мир.

В тот миг она ощутила что-то такое, чего никогда не было в её жизни. Это было то, чего она никогда не могла обрести в других парнях — даже в Сэме, при всей его внешности и стараниях. Это было глубже, древнее, словно отголосок чего-то забытого. За это определённо надо было бороться. Она чувствовала это каждой клеткой.

Она и писать теперь не могла. Странно, но боль в голове от алкоголя прошла, словно её смыло волной. Разум очистился в тот самый момент, как Алекс посмотрел на неё, и теперь все её мысли занимал только этот парень.

Она ждала его взгляда. Весь оставшийся урок она ловила

любое его движение, каждый поворот головы, каждое движение руки в чёрной перчатке.

Но он не смотрел в её сторону. Он записывал то, что диктовала гримза, и временами поглядывал в окно, на серое небо, словно ища что-то за стеклом. При этом во взгляде парня читалось какое-то странное безразличие — словно всё происходящее вокруг было ему глубоко чуждо и неинтересно.

«Я узнаю тебя! Я сделаю всё, чтобы ты снова на меня посмотрел!» — поклялась себе Мегги, чувствуя, как внутри разгорается огонь, которого она никогда раньше не испытывала.

Сэм видел этот взгляд. Пусть он продлился всего какой-то миг, но он точно знал, что означает это мгновение. Он видел, как её глаза загорелись, когда они встретились с глазами новенького.

Этот ублюдок смотрел на *его* девушку! И она смотрела на него таким взглядом, каким никогда не одаривала Сэма. Ни разу за все месяцы их отношений. Ни разу, даже в самые лучшие моменты. За этот взгляд он готов был грызть землю, готов был отдать всё, что у него было, — деньги, машину, репутацию — только чтобы увидеть любовь Мегги, хотя бы на миг.

Сколько времени ему пришлось добиваться её располо-

жения? Сколько подарков он подарил этой девушке, прежде чем она наконец обратила на него внимание? Раньше у него никогда не было таких проблем. Любая бежала к нему по одному зову, стоило лишь щёлкнуть пальцами. Но только не Мегги. Она была другой — и это сводило Сэма с ума.

Он чувствовал в глубине души, что скоро всё кончится. Что он, как глупый мальчишка, влюбился в эту девчонку, хоть и не хотел этого делать, хоть и знал, что она принесёт ему только боль. Знал он и то, что скорее всего ничего не сможет ей дать — не то, что ей было нужно. Она была особенной и никогда не скрывала этого. Что-то в ней было такое, от чего Сэма всегда бросало в дрожь, от чего он терял контроль над собой.

«Иногда мне кажется, что она из другого мира, — думал он, сжимая кулаки под партой. — Что-то в ней пугает меня... Но я не могу остановиться. Я должен обладать ею. Она моя.»

Мегги была красоткой. Густые чёрные волосы, глубокий пронзительный взгляд, в котором читалась такая сила, что Сэм терялся. Эти карие глаза снились ему каждую ночь, преследовали его даже в самые бездумные моменты. Ради улыбки Мегги Сэм готов был сделать любую глупость, пойти на любой риск, уничтожить любого, кто встанет на пути. Когда она шла по коридору школы, весь мир словно замирал, и все — даже учителя — смотрели ей вслед, провожая глазами её грациозную фигуру.

От девушки было трудно отвести взгляд, и в этом он хорошо понимал этого нового ублюдка. Но это не значило, что он позволит ему смотреть.

Когда парень пошёл по рядам, Сэм шикнул Тому, и тот, подмигнув другу, выставил ногу, надеясь заставить новенького кувыркнуться и упасть.

Вместо того чтобы споткнуться, ублюдок просто перешагнул её. Даже не глядя! Вот же сукин сын — он сделал это так естественно, словно всю жизнь только и делал, что уклонялся от подножек.

Сэм посмотрел на своих одноклассников. У всех девушек на лице читалось одно и то же выражение — замороженность, смешанная с животным интересом. Даже у Сю. Даже у Кэти. Ну про Катрин говорить нечего — она пожирала взглядом всё, что двигалось в пределах трёх километров, и сейчас её рот был приоткрыт, а щёки покраснелись.

Все девушки в этот миг были одним целым. Всех их объединял этот Алекс — этот чёртов новенький с фиолетовыми глазами, который появился из ниоткуда и уже успел перевернуть всё с ног на голову. Сэм готов был отдать всё, что у него было, чтобы на него смотрели так же, как на этого придурка. Чтобы Мегги смотрела на него так.

— Покажем ему, кто тут хозяин? — шепнул ему на ухо Боб, наклоняясь с соседнего ряда. Его голос был полон предвкушения.

Сэм отвёл взгляд от спины новенького и посмотрел на

своего второго лучшего друга. На его губах заиграла жёсткая улыбка.

— Конечно. Я хочу, чтобы он бежал отсюда и визжал, как девчонка. Я хочу, чтобы он запомнил этот день на всю свою короткую жизнь.

— Будет сделано, — кивнул Боб, и в его глазах сверкнул знакомый огонёк жестокости.

В течение всего урока Сэм только и делал, что поглядывал на Мэгги. Он мечтал встретиться с ней взглядом, хотя бы на секунду поймать её внимание. Мечтал и жаждал этого, как самого ценного дара. Просто один мимолётный взгляд — всё, что было ему нужно в этот миг, чтобы убедиться, что она ещё его, что у них всё ещё есть связь. Неужели это так много?

Мэгги она не смотрела на Сэма. Смотрела она только на этого Алекса. Её взгляд был прикован к затылку новенького, и в нём было столько страсти и тоски, что Сэм почувствовал, как внутри закипает ледяная злоба.

Сэм сжал ручку с такой силой, что пластик треснул, и острая щепка впиалась ему в ладонь. Он не почувствовал боли.

«Всё не закончится вот так! Я ещё не сказал своё последнее слово! Это только начало, ублюдок.»

Глава 4

Урок закончился, и все ринулись в коридор — гул голосов, топот ног, хлопанье дверей. Первыми к выходу помчались, разумеется, те, кто хотел есть. Как и всегда, поток учеников устремился в столовую, и коридор на мгновение превратился в бурлящую реку.

Мегги осталась на месте. Она ждала, когда аудитория немного опустеет, чтобы поговорить с Алексом. Она видела, как он медленно складывает вещи в свою сумку, как его длинные пальцы в чёрных перчатках аккуратно укладывают тетради. Он поднялся с места, и Мегги уже открыла рот, чтобы окликнуть его, но в этот момент Катрин дёрнула её за рукав, показывая что-то в телефоне. Мегги буквально на секунду отвлеклась, собирая свои тетрадки. Когда же она снова подняла голову и посмотрела туда, где сидел Алекс, парень исчез.

Когда он успел? Как этот парень мог так бесшумно выскользнуть?

— Вы не видели Алекса? — спросила Мэгги у подруг, чувствуя, как внутри закипает разочарование.

Катрин пудрила носик и покачала головой, её глаза уже потеряли интерес. Девушка очень быстро перегорала, когда её жертва пропадала из поля зрения. Кэти вообще не реагировала — она сидела, уставившись в одну точку, её явно что-

то заботило. Возможно, проблемы дома, кто знает. Мегги не особо вдавалась в подробности жизни подруги, для неё это не было важным. Тот факт, что она позволяла Кэти находиться рядом, уже был для неё большой услугой, хотя Мегги иногда чувствовала укол совести за эту мысль.

Мегги стала спускаться к выходу, пробираясь между партами, когда её схватил за руку Сэм. Его пальцы впились в запястье с такой силой, что она поморщилась.

— Нам надо поговорить, — сказал он, и голос его звучал напряжённо, почти умоляюще.

— Нет, не надо. Отпусти меня! — она дёрнула рукой, но он не разжал хватку.

Сэм какое-то время смотрел ей в глаза, словно пытаясь найти там хоть искру прежних чувств. С Мегги поравнялись Кэти и Катрин. Последняя выгнула бровь и пальцем ткнула в плечо Сэма, словно отгоняла назойливую муху.

— Девушки, оставьте нас на секунду, прошу, — Сэм улыбнулся Катрин своей самой обаятельной улыбкой, но в глазах его застыла тревога. — Обещаю, что не обижу её.

— Ну разумеется, не обидишь! — Кэти стояла рядом и грозно буравила парня взглядом, сложив руки на груди. — Только попробуй!

— Нет, мы уходим, — сказала Мегги, вырывая руку. — С тобой, Сэм, мы всё уже обсудили вчера. Разве нет? Думаю, добавить мне больше нечего.

Она развернулась и пошла к выходу, чувствуя его взгляд

на своей спине. Он не пытался её догнать.

В коридоре было людно — все школьники повывискивали из классов, и теперь приходилось продираться через плотную толпу, лавируя между рюкзаками и локтями. Воздух был спёртым, пахло потом, дешёвым парфюмом и школьным обедом.

«Где же мне тебя искать?» — Мегги оглядывалась по сторонам, но нигде не видела высокой фигуры в чёрных перчатках.

— А не резковато ты с Сэмом, Мег? — спросила Катрин, когда толпа немного расступилась и они смогли идти рядом.

— Нет. Не резковато. Хочешь, забирай его, я не против.

— Ха! Зачем мне этот, когда я уже выбрала себе новенького! — Катрин мечтательно закатила глаза.

Мегги остановилась, и Катрин едва не налетела на неё. Затем, глубоко вздохнув, Мегги продолжила путь, стараясь не показывать раздражения.

Катрин была всегда такой — считала, что должна получить всё, что пожелает. Не стоит её за это винить — просто мир такой. Да и подругой она была с самого детства, и Мегги привыкла к её эгоцентризму.

Но Алекс не был похож на того парня, который клюнул бы на гламурную куклу. Да и этот взгляд — холодный, изучающий, пронизывающий до костей. В общем, парень точно был другим. Но вот каким? Что скрывалось за этой маской безразличия?

Мелкие сорванцы пролетели мимо, едва не сбив Мегги с ног. Кэти пнула одного из них и выругалась вдогонку, но те только рассмеялись и скрылись в толпе.

— Нам на физ-ру, да? — протянула Катрин с неподдельной тоской. — Как же я ненавижу это! Опять Лысяк заставит сдавать какие-нибудь глупые нормативы. И это под конец учебного года!

Лысяком называли учителя физкультуры. Так-то его звали Лекс. Был он в прошлом каким-то спортсменом, Мегги точно этого не знала. На старых фото он был с длинными густыми волосами, но что-то пошло не так, и он стремительно начал лысеть несколько лет назад. И вот теперь идеальный овал его головы отражал солнечный свет, словно полированный шар. Отсюда и такое прозвище.

Девушки вышли из школы и отправились на площадку — большой открытый стадион с бетонными трибунами и беговыми дорожками. Быстро переодевшись в раздевалке, они вышли на построение, щурясь от яркого солнца.

Тут-то Мегги и увидела Алекса!

Парень переоделся в спортивный костюм — широкие светлые штаны скрывали худые ноги, лёгкая темная футболка сидела на нём свободно, но даже через ткань угадывались очертания узких плеч. И, конечно, длинные чёрные перчатки, плотно обтягивающие руки. Он что, совсем их не снимает? Даже на физкультуре?

Мегги сделала шаг в его сторону, уже открыв рот, чтобы

заговорить, но в этот момент Катрин выскочила из раздевалки и, схватив её за руку, потащила в сторону.

— Ты видела новую причёску Сью? Она выглядит как огородное пугало! — затараторила Катрин, увлекая подругу за собой. Мегги попыталась вырваться, но толпа уже сомкнулась вокруг них, и Алекс остался на другом конце площадки, так и не заметив её попытки.

Дружки Сэма прошли мимо Мегги и что-то сказали, показывая на новенького. Все дружно засмеялись, а Сэм добавил кое-что острое в своём стиле, от чего Том едва не покашлял со смеху, схватившись за живот.

«Идиоты», — подумала Мегги, отворачиваясь. Она не хотела видеть их самодовольные лица.

Она старалась встать так, чтобы оказаться в поле зрения Алекса. Мэгги прошла мимо толпы школьников, встала прямо напротив него, надеясь, что парень заметит. Однако тот, даже не взглянув в её сторону, повернулся и стал разглядывать стенд с расписанием соревнований.

«Ну уж нет!» — Мегги решительно направилась к нему. Не бывает такого, чтобы её вот так игнорировали. Первый раз в жизни ее не замечал парень. Обычно они сами прибежали, выстраивались в очередь, добивались её внимания. А тут — полное равнодушие. Это было странно, почти оскорбительно.

Откуда ни возьмись рядом с Алексом оказалась Катрин. Девушка что-то активно жестикулировала и улыбалась, её

голос звенел над площадкой.

Ноги Мегги подкосились. Как она успела так быстро? Катрин же всё время была рядом. Или нет? Мегги моргнула, пытаясь понять, как подруга могла оказаться там за секунду до того, как она сама двинулась к Алексу.

Алекс улыбнулся девушке — той самой улыбкой, которую Мегги видела в классе, — и что-то сказал, на что Катрин рассмеялась и кивнула, заливаясь краской.

«Ну нет!» — Мегги почти бежала к ним, когда на площадку вышел Лысяк. Катрин мгновенно отлетела от Алекса, словно её отбросило невидимой силой, да и сам парень, повинаясь команде, отправился строиться вместе с остальными мальчиками.

Парни строились отдельно от девочек — традиция, которую никто не оспаривал. Что ж, тогда после физ-ры Мегги обязательно поговорит с Алексом!

— Что ты ему сказала? — шикнула она Катрин, когда блондинка встала рядом. Та ухмылялась своими пухлыми губами и теребила косичку в руке, явно довольная собой.

— Такой славный! Ты даже себе не представляешь! — пропела Катрин.

— Что ты ему наплела?

— Я? Ничего. Просто подошла познакомиться. У него такой приятный голос! — она мечтательно вздохнула.

Лысяк прошёл мимо школьников, его лысая голова блестела на солнце, и встал в центре строя, оглядывая учеников

с лёгкой усмешкой.

— Так! Нет времени с вами разговаривать, — начал он, хлопнув в ладоши. — Сегодня мы будем сдавать стометровку, если вы не против.

— А если против? — раздался голос Лью, и несколько человек хихикнули.

— А те, кто против, мистер Лью, может отправляться на кухню и мыть посуду. Вы этого хотите? — Глаза Лысяка злобно блеснули, однако губы были растянуты в лёгкой усмешке. Лысая голова учителя и вправду отражала свет солнца, создавая почти ослепительный ореол.

Лью опустил голову, и кто-то из ребят засмеялся.

— Отлично, — Лысяк отвернулся от Лью, — я всегда знал, что на вас можно положиться. Итак, стометровка!

Всё началось с лёгкой разминки по кругу — лёгкий бег, выпады, растяжка. Мегги безуспешно пыталась бежать в начале толпы, чтобы хоть на миг оказаться рядом с Алексом. Однако парни были очень резвыми и легко ушли вперёд, их длинные ноги мелькали с поразительной скоростью. Догнать их для неё было сложно — она никогда не была спортсменкой. Всё, что оставалось Мегги, — смотреть на его удаляющуюся спину, на то, как его чёрные волосы развеваются на бегу, как он держит спину прямо, словно не прилагая никаких усилий.

На один миг с ним поравнялся Сэм и что-то сказал, наклонившись к уху Алекса. Мегги не могла расслышать сло-

ва, но это было точно что-то обидное, потому что дружки её бывшего парня громко засмеялись. Как же она хотела оторвать им их головы! Её кулаки сжались сами собой.

По виду, Алекс никак не отреагировал на их слова — его лицо осталось бесстрастным, как маска. Однако лёгкий кивок головы казался неестественным, почти механическим, будто он слушал, но не слышал.

После того как они пробежали кросс, началась нудная растяжка. И тут у Мегги не было возможности пересечься с Алексом. Парни, как и всегда, отправились тянуться за отбойники, в то время как девушки остались на газоне, выполняя упражнения под присмотром Лысяка.

«Ладно, я всё равно добыю своего!» — поклялась она себе, чувствуя, как внутри закипает упрямство.

— Ну, вы готовы, дети? — спустя минут двадцать спросил Лысяк, когда все закончили разминку. — Готовы показать свой истинный уровень?

— Да, капитан, — прошептала Сью так, чтобы не услышал физрук, но услышали все остальные, и кто-то сдавленно хихикнул.

— Приступим! По списку! — скомандовал Лысяк, и ученики начали выходить на старт.

Первыми шли парни, и тут-то, ясное дело, не было равных Сэму. Парень бегал быстрее всех не только в школе, но и в городе — на всех соревнованиях ему не было равных. Его светлые волосы развевались на ветру, мышцы перекачаты-

вались под футболкой, и он финишировал с таким отрывом, что остальные выглядели жалко.

Сэм вместе с другими ребятами встал в колодки и по команде выбежал с такой скоростью, с какой ездят гоночные автомобили. Другие ребята остались далеко позади, пыхтя и отставая.

Затем шла вторая группа. Тут дела обстояли немного хуже — ребята были явно медленнее, и Лысяк недовольно качал головой, что-то записывая в блокнот.

Алекс остался стоять в стороне, наблюдая за бегунами с тем же отстранённым выражением лица, словно всё происходящее не имело к нему никакого отношения.

— Ну а вы, мистер Алекс? — начал Лысяк, подходя к нему. — Покажете нам то, что умеете?

Парень молча кивнул и встал на изготовку. Колодки он обошёл стороной и не стал их брать, заняв позицию прямо на дорожке, ноги на ширине плеч, руки свободно висят вдоль тела.

— Вот сейчас будет умора, — громко сказал Том, и его дружки захихикали. Сэм что-то шепнул ему на ухо, и они оба ухмыльнулись. Однако, когда Сэм заметил, что Мегги смотрит на него, он сразу выпрямился, словно солдат, и приложил руку к голове в шутливом салюте.

Мегги закатила глаза и перевела взгляд на Алекса. Он стоял во весь рост — ноги не согнуты в коленях, спина прямая, взгляд устремлён вперёд. Перед тем как замереть в ожида-

нии команды, он на мгновение посмотрел прямо на неё. Всего на мгновение — но Мегги готова была поклясться, что он слегка приподнял уголок губ. А затем его взгляд снова стал пустым, и он отвернулся, словно ничего не произошло.

«Что это было?» — сердце её пропустило удар. Тёплая волна разлилась по груди, и она почувствовала, как кровь приливает к щекам.

Мегги не была спортсменкой, но точно знала, что с такого положения — стоя, без колодок, без согнутых ног — начать бежать правильно было очень трудно. Показать хорошее время ему будет крайне тяжело. Это был вызов самому себе, и она затаила дыхание.

И вот Лысяк дал команду, и Алекс побежал.

Мегги выпучила глаза. Такого бега она ещё не видела, хоть и посещала соревнования Сэма несколько раз. Парень перебирал ногами с такой скоростью, что их почти не было видно — они превратились в размытые пятна. При этом руками он работал как-то медленно, неестественно, словно специально сдерживал себя, будто боялся, что если разгонится по-настоящему, его просто не смогут остановить.

Новенький финишировал, а Лысяк, выпучив глаза, уставился на секундомер. Он поднёс его к самым глазам, протёр стекло пальцем, снова посмотрел, и на его лице отразилось неподдельное изумление. Он явно не поверил тому, что увидел.

— Мистер Сэм Вуд! Подойдите-ка сюда.

Сэм ленивой походкой побрёл к физруку, стараясь сохранять вальяжность, но те, кто знал его хорошо, заметили на его лице лёгкий испуг — тень, которая мелькнула и исчезла под маской самоуверенности.

— Взгляните! — Лысяк ткнул секундомер в нос парню. Тот нехотя взглянул, и его брови поползли вверх, но он быстро взял себя в руки и ухмыльнулся.

— Наверное, вы нажали спустя десять метров, как он побежал! Такое бывает, когда о чём-то задумаешься. — Сэм пожал плечами, стараясь говорить небрежно.

— Ну-ка цыц! — шикнул на него Лысяк. — Мистер Алекс, вы занимались бегом?

— Нет, — ответил Алекс, когда подошёл близко к Лысяку. Парень даже не запыхался, дышал легко и непринуждённо, словно только что не бежал стометровку за рекордное время, а просто вышел на прогулку. Ни капли пота на лбу, ни тени усталости.

Впервые Мегги услышала его голос так близко. И он и вправду был прекрасным — мелодичный, с лёгкой хрипотцой, глубокий и ровный, как далёкий гул.

— Сможете повторить этот бег сейчас? — спросил его физрук, в глазах которого зажегся огонёк профессионального интереса.

Парень пожал плечами, его лицо осталось бесстрастным.

— Почему бы и нет.

— Ну тогда встаньте на изготовку вместе с мистером Ву-

дом и покажите нам, на что способны.

— Да это просто смешно! — воспротивился Сэм, и голос его дрогнул от едва сдерживаемой ярости. — С какой стати я должен бегать с этим... эм... Алексом? Я профильный стартер, и бегать с дилетантами — просто...

Лысяк ткнул пальцем в сторону старта и был непреклонен.

— Ну вы же считаете, что я нажал не вовремя, так? Вот и покажите нам, что я ошибаюсь. И да, если вы это не сделаете сейчас, мистер Вуд, то можете забыть о ваших рекомендательных письмах на поступление в университет. Вы меня слышали?

Сэм замер. Мегги видела, как он сжал челюсти так, что желваки заходили под кожей, как его взгляд метался между Лысяком и Мегги. Он смотрел на неё — и в его глазах читалась мольба: «Скажи, что не надо, защити меня». Но Мегги отвернулась, делая вид, что поправляет волосы. Тогда его лицо исказилось — он понял, что выбора нет. Медленно, будто через силу, он кивнул.

— Хорошо, — выдавил он сквозь зубы, и в этом одном слове было столько злобы, что Мегги поёжилась.

Глаза его полыхали ненавистью, направленной на Алекса, но тот смотрел вперёд с прежней невозмутимостью, словно не замечая ничего вокруг.

Мегги хорошо знала, что рекомендательные письма были очень важны для Сэма. Благодаря им его могли взять без вступительных экзаменов, как спортсмена. И сейчас он рис-

ковал всем из-за какой-то дурацкой стометровки.

«Ох и не к добру это всё», — подумала Мегги, чувствуя, как внутри зарождается тревога.

Сэм и Алекс встали на изготовку. Но если ее бывший парень встал в колодки, как и положено профессионалу, выгнув спину и опустив голову, то Алекс снова вытянулся во весь рост — ноги не согнуты в коленях, спина прямая, руки свободно висят. Как он вообще может бежать в такой позе?

Прозвучала команда. Сэм как ракета вылетел с колодок — спина согнута, голова опущена, ноги работают с механической точностью. Мегги десятки раз видела, как парень выпрямлялся только к тридцатому метру, набирая максимальную скорость. Это была его коронная техника.

Однако, на удивление, Алекс не отставал от спортсмена. Более того, он стал уходить вперёд, его длинные ноги мелькали так быстро, что казались размытыми линиями. На финише он оторвался метров на пять, что для такой дистанции было просто немыслимо. Сэм пришёл вторым, но его лицо было искажено унижением.

— Какой мужчина! — Катрин рядом закатила глаза так, что зрачки почти исчезли. — Если это не мой муж, то тогда кто. Я готова упасть к его ногам!

Мегги не слышала её. Она смотрела на Алекса и чувствовала, как холодок страха ползёт по позвоночнику. Так не бывает. Люди так не бегают. Он даже не запыхался — ни разу. Не было ни капли пота, ни сбитого дыхания, ничего. Он не

человек.

Она поняла это с пугающей ясностью. И от этого ей стало страшно. Но почему-то она не хотела отводить взгляд — наоборот, её тянуло к нему, словно к магнитному полю, которое невозможно было игнорировать.

Оба парня подошли к ухмыляющемуся Лысяку. При этом Алекс шёл немного впереди, а Сэм буравил его спину злобным взглядом, его руки были сжаты в кулаки, а на виске пульсировала жилка.

— Ну и, мистер Вуд? — стал пританцовывать Лысяк, явно наслаждаясь моментом. — Кто тут нажал позже? Кажется, у кого-то отстаёт старт, разве нет? Или, может, у вас проблемы со скоростью?

Сэм молча взял свою сумку и, не сказав ни слова, побрёл к выходу со стадиона, его спина была напряжена, а плечи опущены. Его друзья какое-то время смотрели ему вслед, а затем так же зло посмотрели на Алекса. Парень стоял около физрука с прежней безразличностью и так же ровно дышал. Он вообще устаёт? Это было неестественно.

— Все свободны, девушек мы смотреть не будем, — пропел Лысяк, махнув рукой. — Всё, что нужно, мы уже увидели! Вы можете идти переодеваться.

Алекс пошёл было вместе со всеми, неспешно, но уверенно. Мегги наконец собралась с духом и направилась к нему, уже открыв рот, чтобы заговорить, но парень, словно почувствовав её шаги, вдруг ускорился и через секунду скрылся в

толпе, растворившись среди других учеников. Мегги остановилась, провожая его взглядом. Ей показалось, что он усмехнулся, уходя — тень улыбки мелькнула на его лице, но исчезла прежде, чем она успела понять, что видит. Но прежде чем он исчез из виду, она заметила, как его голова слегка повернулась — он словно хотел оглянуться, но сдержался и продолжил путь, не обернувшись.

— Алекс! — крикнула она ему вслед. Голос её потонул в шуме толпы.

Мегги замерла, чувствуя себя униженной. Никто никогда не уходил от неё. Никто. Она всегда была той, кто делала это первой, ставила точку. А теперь она стояла одна, с открытым ртом, и смотрела на пустое место, где только что был этот странный парень.

— Ну а вы, мистер Алекс, подождите немного! — крикнул Лысяк в пустоту, но парень уже исчез.

Физрук ещё раз посмотрел на секундомер и покачал головой, явно не веря своим глазам. Он что-то пробормотал себе под нос и убрал прибор в карман.

Мегги оглянулась через плечо и посмотрела на стадион. Она стояла одна посреди расходившейся толпы, её волосы трепал лёгкий ветер, и она чувствовала, как внутри поднимается что-то новое — решимость, злость, желание. Она не знала, кто он и что ему нужно, но теперь точно знала одно: она не остановится. Она добьётся его внимания, чего бы это ни стоило.

Глава 5

— Ну и, Алекс, — начала Мари, стараясь, чтобы голос звучал бодро, хотя усталость давила на плечи, — как тебе первый день на учёбе?

Парень улыбнулся — той самой лёгкой, почти неуловимой улыбкой, которую Мари уже начала замечать, — и продолжил смотреть в экран компьютера. Теперь он больше не листал новостную ленту с пугающей скоростью, а изучал достопримечательности. Мари было плохо видно из-за бликов на мониторе, но, кажется, парень наслаждался красотами Лувра: его лиловые глаза скользили по изображениям, и на лице отражалось что-то похожее на задумчивость, почти мечтательность.

— Как тебе твой класс? — решила продолжить допрос Мари. Она присела на край стула, наблюдая за ним. Видно было, что парень не особо общительный, даже скрытный — он отвечал односложно, не раскрываясь, и держал дистанцию, словно за невидимой стеной.

Может быть, на него так сказывалась амнезия? Врач Деррик сказал, что есть вероятность, что воспоминания к нему не вернутся никогда. Однако что-то очень смущало и настораживало Мари. Наверное, то, с какой скоростью парень освоился на новом месте. Разве это нормально? Он не спрашивал, как включить свет, не удивлялся крану с водой, не

пугался звуков проезжающих поездов. Он просто... впитывал. Адаптировался.

— Так что скажешь? Твои ожидания от класса оправдались? — спросила она снова, поправляя очки.

Фиолетовые глаза молодого человека блеснули в полумраке комнаты, отражая холодный свет монитора. Он улыбнулся — на этот раз шире, почти загадочно.

— О, да. Ещё как.

— Ну, хоть это хорошо. Мистер Лекс говорил, что ты очень хорошо проявил себя на физкультуре. Так держать! — Мари попыталась улыбнуться, но в голосе проскользнула нотка беспокойства. Она слышала от физрука, что Алекс установил какой-то невероятный рекорд, но решила не углубляться.

— Он звал меня к себе в секцию, но я отказался, — Алекс опустил взгляд, и его пальцы в чёрных перчатках на мгновение сжались в кулаки. — Мне пришлось обогнать этого парня — Сэма. Кажется, он немного обиделся.

Мари вздохнула. Да, с этим учеником явно будут проблемы. Сэм не умел проигрывать. И это публичное унижение могло сыграть в дальнейшем злую шутку. С этим надо срочно что-то делать, но она пока не знала, как подступиться.

Все дети для Мари были своими, но Сэм... Этот юноша был себе на уме. Из очень богатой семьи, его отец считал учителей своими холопами, и эта позиция перешла и его сыну. Мальчик вырос и поумнел, стал относиться более снис-

ходительно, но всё же если дело касалось его свободы или самолюбия, он огрызался, как дикий зверь.

— Мари, — начал Алекс, и его голос стал чуть тише, почти доверительным, — Расскажи мне об одной девушке из моего класса.

«Так. Ну вот хоть это похоже на нормальную тему», — подумала Мари, чувствуя, как внутри отпускает напряжение.

— Да, конечно. О ком именно?

— Длинные чёрные волосы. Рядом с ней всегда блондинка. Я спросил у этой девушки про неё, но та почему-то стала хихикать. Она странная, разве нет? Мне показалось, что она ест меня глазами.

Мари улыбнулась, вспомнив Катрин. Та всегда была слишком навязчивой, особенно с новыми лицами.

— Ну, блондинка — это Катрин. А девушка с чёрными волосами — Мегги Смит.

— Мегги, — произнёс Алекс, словно пробуя имя на вкус. Его губы чуть шевельнулись, и Мари показалось, что он заминает звук, вплетает его в свою память. Видимо, имя ему понравилось, потому что он продолжил: — Что ты можешь о ней рассказать?

— Ну, она из семьи бизнесмена, — начала Мари, стараясь подбирать слова. — У матери кафе в центре города, у отца — гостиничный бизнес.

— Понятно, — Алекс отвернулся к окну, и его взгляд стал отстранённым, словно он уже не слушал, а обдумывал что-

то своё. — Ну а про неё саму что скажешь?

«Хм, подростковая любовь, не иначе», — подумала Мари, чувствуя лёгкую ностальгию.

— Девушка с характером. Вокруг неё всегда море ухажёров. Но быстро всё надоедает. Так у неё во всём, бедная девочка. С учёбой большие проблемы, хотя родители, уверена, устроят её на хорошую должность.

Парень кивнул, но не обернулся. Он стоял у окна, скрестив руки за спиной, и смотрел на улицу. Даже дома он ходил в перчатках — длинных, кожаных, до локтя, и Мари заметила, как он время от времени сжимает и разжимает пальцы, словно проверяя, на месте ли они.

— Ничего не вспомнил из своей прошлой жизни? — спросила она осторожно, хотя уже знала ответ.

Алекс покачал головой.

— Прости, Мари, но нет.

«Очень жаль, но что поделать». Она уже почти смирилась с тем, что его прошлое останется для неё загадкой.

— Мари, мне правда неловко, что так вышло, — Алекс отвернулся от окна и посмотрел на неё. В его фиолетовых глазах мелькнула тень, которую она не могла прочитать. — Я так ворвался в твою жизнь... Обещаю, что скоро я исчезну. Спасибо тебе за всё, что ты для меня делаешь.

— Ой, Алекс! — Мари вскочила с кресла и подошла к нему, обняла. Он был худым, почти хрупким, и через тонкую ткань рубашки она чувствовала, как напряжены его мышцы.

— Я всё понимаю. Нужно всегда помогать людям. Да и ты уже стал каким-то родным. Не нужно уезжать, живи, сколько хочешь.

Он обнял её в ответ — осторожно, словно боясь причинить боль или сломать что-то. Его руки в перчатках легли на её плечи, и Мари почувствовала, как холодок прошёл через ткань.

— Спасибо за всё. И да, Мари... тебе придётся уехать из города.

— Чего? — она отстранилась от него, вглядываясь в его лицо. — Почему уехать?

Он покачал головой, и в его глазах мелькнула такая глубокая, древняя усталость, что Мари на мгновение забыла, как дышать.

— Я не могу тебе сказать... Просто... тебе придётся мне довериться.

С этими словами он снова подошёл к окну, и Мари, чувствуя, как внутри разрастается тревога, последовала за ним.

— Я не понимаю, Алекс. Тут мой дом. Мои дети. Куда я поеду?

Она остановилась рядом и тоже взглянула на улицу.

Напротив их дома была детская площадка, знакомая до мельчайших подробностей: старые качели, песочница с облупившимися бортиками, скамейки, покрашенные зелёной краской, которая уже начала облезать. Площадка располагалась между соснами, которые сажал ещё её отец много лет

назад. Позади сосен — серые многоэтажки, которые иногда скрывали солнечный свет, отбрасывая длинные тени на песок.

Всё было как обычно: в песочнице играли дети, их мамы сидели на лавочках и о чём-то говорили, не глядя на малышей. По дороге рядом не ездили машины — в их городе машины были редкостью, люди предпочитали ходить пешком либо вызывать такси. Тихий, уютный, сонный город.

Что же его так заинтересовало? Всё было совсем обычно, разве что... Ветра не было совсем. Деревья стояли неподвижно, воздух застыл, как в вакууме. Но качели на площадке почему-то раскачивались сами по себе.

Железные цепи, на которых крепились качели, от ветра бы не пошевелились — они были слишком тяжёлыми для лёгкого дуновения. Тут же они раскачивались взад и вперёд с такой амплитудой, словно на них кто-то сидел и отталкивался ногами. Но они были пусты!

Мари не поверила своим глазам. Она моргнула, потёрла веки, но картина не изменилась. Дети и их родители словно не обращали на это внимания — они играли, разговаривали, улыбались, будто ничего странного не происходило. Но эти качели и вправду были большой странностью.

Она хотела спросить у Алекса, видит ли он это, но, взглянув на него, замерла. Его лицо было бледным, почти прозрачным в тусклом вечернем свете, челюсти сжаты так, что на скулах выступили желваки, а глаза смотрели не на каче-

ли, а чуть выше — туда, где, казалось, никого не было. Он смотрел в пустоту, но видел нечто иное.

— Алекс? — осторожно позвала она, чувствуя, как по спине пробегает холод. — Что ты там видишь?

Он не ответил. Его руки в перчатках сжались в кулаки, плечи напряглись, словно он готовился к прыжку. Он смотрел на качели, но видел нечто иное — нечто, что заставляло его кровь стынуть в жилах.

Алекс видел её.

Ту тварь, которая вот уже несколько дней приходила ему в кошмарах. В этих снах она шептала ему, как пытаться людей, как находить их слабые места, как заставлять их кричать. Тех бедных людей, что забрели не туда. Он пытался сопротивляться, но она всегда одерживала верх. Всегда побеждала и всегда находила тьму в его душе, вскрывала её, как старую рану.

И вот она была не во сне, а наяву. Кошмарное создание раскачивалось на качелях взад и вперёд, и её губы растягивались в знакомой, ледяной улыбке. Красивая женщина, высокая и стройная, с идеальной осанкой и лицом, которое могло бы сойти за ангельское, если бы не холод, исходивший от неё волнами. Чёрные длинные волосы подобно пару клубились над головой и завивались в стороны, словно змеи, хотя ветра не было. Чёрное длинное платье струилось по земле, скры-

вая лодыжки, а золотые ленты, расшитые затейливым узором — переплетённые виноградные лозы и мелкие звёзды, — украшали рукава и подол, поблёскивая в тусклом свете. Женщина держалась руками за цепи, но ладоней видно не было — длинные рукава скрывали их, свисая вниз, оставаясь неподвижными, словно они были нарисованы, а не сшиты, и не повторяли движения её тела.

И она улыбалась — такой приветливой, почти невинной улыбкой, словно ангел, спустившийся с небес. Но Алекс точно знал, что она такое внутри. Он видел её суть — тьму, которая клубилась за её прекрасным лицом, древнюю, голодную, жаждущую.

Она помахала ему рукой, и её смех — тихий, мелодичный, похожий на звон колокольчиков, — разнёсся по безветренному воздуху. Качели продолжали раскачиваться в такт её движениям, но сама она не касалась земли.

Мари снова посмотрела на площадку. Качели всё так же раскачивались, но больше ничего необычного она не замечала. Только пустота.

— Алекс, ты меня слышишь? Что происходит? — голос её дрогнул, и она схватила его за локоть, но он даже не пошевелился.

— Ничего, — наконец ответил он, и его голос прозвучал ровно, слишком спокойно, словно он отключил все эмоции.

— Просто... ветер.

Мари поёжилась, хотя в комнате было тепло. Она чувствовала, что он врёт, но не понимала, почему. Её взгляд снова упал на качели, и вдруг она заметила, что они перестали двигаться. Резко, как по команде, замерли на мгновение. А затем снова начали раскачиваться — но теперь уже в такт чему-то невидимому, словно кто-то управлял ими из тени.

Она почувствовала, как холодок пробежал по спине, и волосы на затылке встали дыбом. Ей стало страшно. Она не понимала, что происходит, но её тело реагировало само — сердце забилось быстрее, дыхание сбилось, ладони вспотели. Она хотела отойти от окна, но ноги словно приросли к полу, как в дурном сне, когда бежишь, а земля уходит из-под ног.

— Мари, — сказал Алекс, не оборачиваясь, и его голос прозвучал глухо, почти безжизненно, — тебе нужно уехать. Как можно скорее.

— Зачем? — выдавила она, с трудом разлепив губы, чувствуя, как горло пересохло.

— Потому что то, что ты сейчас видишь, — это только начало.

По дороге, разрезая тишину, проехала маршрутка. Большой жёлтый автобус, внутри которого сидели люди, промчался мимо площадки на большой скорости, поднимая облако пыли. Лишь на миг он скрыл ведьму от Алекса, закрыв

её фигуру своей железной стеной. Когда же автобус проехал, женщина исчезла. Качели больше не шевелились, застыв в неподвижности, как будто никогда и не двигались.

Алекс резко повернулся и отошёл от окна, его лицо было бледным, на лбу выступила испарина. Мари проводила его взглядом, чувствуя, как внутри всё сжимается, затем снова посмотрела на площадку.

Качели замерли. Совсем.

Мари выдохнула, чувствуя, как напряжение медленно отпускает её, но внутри осталось странное, липкое беспокойство. Она провела дрожащей рукой по волосам и покачала головой. Сказать, что она испугалась, — не сказать ничего. Но ведь это не могло быть правдой? Качели не могли двигаться сами по себе... Только что это всё было, а теперь — нет. Она наверняка просто устала, перегрелась, переволновалась. В конце концов, за последние дни Мари пережила слишком много стресса: авария, больница, этот странный парень, угрозы увольнения. И всё, что ей нужно, — просто лечь спать. Да, определённо, лечь спать и забыть этот кошмар.

Она вышла из комнаты, но на пороге остановилась и оглянулась на Алекса. Тот стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел вниз, туда, где были пустые качели. По его спине было видно, что он напряжён до предела — мышцы перекатывались под тканью рубашки, — но при этом он был

совершенно неподвижен. Он ни разу не пошевелился, словно ждал, что что-то произойдёт. Или кто-то появится. Мари хотела спросить, не нужно ли ему что-то — воды, чая, просто поговорить, — но передумала. Что-то в его позе говорило ей: не надо. Не сейчас.

Она вышла, тихо прикрыв за собой дверь, и прислонилась к стене в коридоре.

В коридоре она остановилась, прижала ладонь к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце, и несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Страх не проходил. Он пульсировал где-то внутри, как заноза, которую невозможно вытащить. Она чувствовала, что что-то не так, но не могла понять, что именно. Качели, его лицо, его спокойный, слишком спокойный голос... Всё это не складывалось в единую картину, как пазл, в котором не хватало главного куска. Она покачала головой, отгоняя наваждение, и направилась в свою комнату, но внутри осталось неприятное, липкое чувство, которое не отпускало её до самого вечера, ворочаясь в груди тёмной тревогой.

Алекс остался стоять у окна. Он не думал ни о чём конкретном — он просто смотрел вниз, на площадку, где качели больше не двигались. Его дыхание было ровным, но внутри всё кипело. Он знал: она всё ещё там. Просто ждёт. Просто наблюдает. Скалится в темноте, наслаждаясь его страхом. И

в следующий раз она появится ближе.

Его рука в перчатке сжалась в кулак так сильно, что побелели костяшки, и он почувствовал, как старые шрамы под тканью натянулись, напоминая о том, кем он был и кем стал. Он не мог позволить ей войти в этот мир. Не мог позволить ей коснуться Мари. Это была его война, и он должен был выиграть её — или умереть, пытаясь.

Глава 6

— Привет.

Алекс остановился. Парень сжимал в руках учебник — старую, потрёпанную книгу с пожелтевшими страницами, которую он держал так, словно она могла защитить его от мира. Он по-прежнему был в своих странных чёрных перчатках, плотно обтягивающих пальцы, и Мегги заметила, как его большой палец на мгновение сжался на корешке, когда она окликнула его. Его волосы всё так же свисали ниже плеч — густые, непослушные, с лёгким беспорядком, который шёл ему куда больше, чем любая аккуратная стрижка. И почему-то Мегги это казалось забавным. Раньше она никогда бы не посмотрела на парня с такой неряшливой причёской. Как-то к ней подходил знакомиться юноша, у которого волосы едва доходили до плеч, но Мегги отфутболила его — такие причёски всегда ассоциировались у неё с девушками, с чем-то слащавым и несерьёзным. И вот теперь Мегги нравился парень со стрижкой а-ля бездомный. Замечательно.

Алекс не спеша обернулся и посмотрел на Мегги. Эти глаза! Девушка стояла и смотрела, полностью утонув в фиолетовых омутах, которые, казалось, втягивали её в себя, лишая воли. Она слышала, как гулко стучит её сердце, как где-то далеко, за этим коконом, проходят ученики, смеются, переговариваются, но все звуки доносились словно сквозь толщу

воды.

— Привет, — улыбнулся он. Его улыбка была самым прекрасным, что Мегги видела в своей жизни — тёплой, но с лёгкой тенью грусти, словно он улыбался, несмотря на что-то, что лежало глубоко внутри. Девушка поймала себя на мысли, что готова любоваться ею всю оставшуюся жизнь. И она могла сделать для Алекса всё, что бы он ни захотел — любую прихоть, любой каприз, только чтобы он улыбался. Но ведь это ненормально!

— Я... — начала говорить девушка, и слова застряли в горле. Мысли путались у неё в голове, как запутанный клубок, и она не могла найти ни одной правильной нити. Как и в прошлый раз, никого больше не существовало рядом. Школьники шли мимо них, проходили учителя, кто-то толкнул её плечом, но она не почувствовала. Этот поток людей двигался всего в метре от них и одновременно так далеко, словно они находились в коконе — только они вдвоём, и весь мир перестал иметь значение.

— Как у тебя дела? — наконец смогла выдавить из себя Мегги, и голос её прозвучал хрипло, почти жалко.

«Господи, какая же бездарная фраза!» — Мегги мысленно застонала. Она бы прикрыла глаза ладонями, если бы была одна, но сейчас она стояла перед ним, чувствуя, как щёки заливают румянец, и не могла сделать ничего, чтобы спасти ситуацию.

Парень кивнул, и его улыбка стала чуть шире.

— Спасибо, всё хорошо. У тебя как?

— И у меня, — Мегги потупила взгляд, рассматривая свои пальцы, которые теребили край рукава. — Может, прогуляемся сегодня? Погода очень хорошая, тёплая.

«Ну ты и дура! Это он должен тебя куда-то звать! Он должен проявлять настойчивость, а не ты!» — она мысленно отчитывала себя, но не могла остановиться.

— Да, было бы неплохо. Тогда после учёбы? — его голос был ровным, почти безразличным, но Мегги почудилось в нём что-то тёплое.

— Да, хорошо. — С этими словами Мегги хотела развернуться и уйти, пока он не увидел, как она краснеет, но не смогла. Ноги словно приросли к полу, и она просто стояла, глядя на него.

Зато смог он! Алекс просто взял и ушёл, оставив её стоять в коридоре с вытаращенными глазами и открытым ртом. Его шаги были бесшумными, и он исчез за поворотом, даже не обернувшись.

«Интересно, он уже забыл ту пустую блондинку? Надеюсь, что да», — мелькнуло в голове у Мегги, когда она смотрела на его удаляющуюся спину, чувствуя, как внутри закипает смесь разочарования и странного, почти болезненного влечения.

Сэм видел, что они мило беседуют. Видел, как Мегги улы-

бается — той самой улыбкой, которую она никогда не дарила ему. И взгляд, которым она наградила этого ублюдка, ни с чем не спутать: в нём была та глубина, то тепло, которое Сэм так отчаянно пытался завоевать месяцами. Он видел, как Мэгги смотрит на этого Алекса, как её глаза сияют, и это рвало Сэма изнутри, раздирало на куски, оставляя только пустоту и ярость.

Парень сжал кулаки с такой силой, что побелели костяшки, и ногти впились в ладони, оставляя красные полумесяцы. Сэм не чувствовал боли — только огонь, который разгорался в груди.

В таком бешенстве Сэм давненько не был. Этот ублюдок только появился, а уже столько из-за него проблем! Он отнял у него бег — его бег, которым Сэм гордился с детства, — и теперь пытался отнять его девушку.

Спорт был для Сэма всем. С раннего детства он ходил в секцию, и тренеры прочили ему великое будущее. Он был отменным бойцом, но именно бег был для него самым важным на свете — тем, что давало ему ощущение контроля, власти над собой. Вернее, он так думал до появления Мэгги. А теперь её взгляд был прикован к другому, и это было хуже любого поражения на дорожке.

«Не выйдет!»

Ублюдок развернулся и пошёл в его сторону. Отлично. Сэм спрятался за поворотом, из-за угла которого всё это время выглядывал, прижимаясь спиной к холодной стене, и стал

ждать, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Вскоре парень появился — его длинные чёрные волосы качнулись, когда он повернул за угол. Когда он поравнялся с Сэмом, тот рванул вперёд и прижал его плечом к стене, с силой вдавливая в штукатурку.

— Наверное, тебе это нравится, бесить меня? — зашипел он новенькому на ухо, чувствуя, как его дыхание сбивается от ярости. — Всё у тебя хорошо, малыш?

Ублюдок не моргая смотрел ему в глаза — фиолетовые, холодные, без единой эмоции. От этого взгляда Сэм взбесился ещё больше. Он ждал страха, ждал, что этот щенок задрожит, начнёт оправдываться или умолять о пощаде. Но вместо этого он смотрел с каким-то снисхождением, с лёгкой, почти насмешливой ухмылкой на губах. Словно Сэм был для него не угрозой, а просто назойливым насекомым.

— Что-то не так? — спросил новенький, и его голос был спокойным, ровным, словно ничего не происходило. Он даже не пытался вырваться, просто стоял и смотрел, и это спокойствие было страшнее любой агрессии.

Кто-то сзади схватил Сэма за плечо, пытаясь оттащить, но тот с силой лягнул нападающего локтём. Кто-то охнул, послышался сдавленный вскрик, но Сэму было всё равно — мир сузился до этого лица, до этих глаз, которые смотрели на него с ледяным спокойствием.

— Ещё раз я увижу тебя с Мегги, — прошептал он на ухо ублюдку, чувствуя, как его голос дрожит от едва сдерживае-

мой злобы, — быть беде. Она моя девушка. Ты меня понял, малыш? Кивни, если понял.

Их глаза встретились. И долгий миг два парня смотрели изучающе друг на друга — Сэм пытался найти в нём страх, а Алекс, казалось, просто ждал, когда закончится этот спектакль. Затем новенький медленно кивнул головой и слегка улыбнулся одними губами — той самой улыбкой, которая заставила Сэма стиснуть зубы до скрежета.

— Спасибо за понимание, — Сэм выпустил его и развернулся, чувствуя, как внутри всё кипит.

За ним стоял учитель Дуар и тёр бок, морщась от боли. Его лицо было бледным, губы поджаты. Сэм вздохнул, чувствуя, как раздражение перекрывает даже ярость.

— Чего вам нужно? — спросил он раздражённо.

— Сэм Вуд, вы ударили меня! Я сообщу вашим родителям! — голос Дуара дрожал, но в нём звучала неподдельная обида.

— Извините, мистер Дуар, — Сэм улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, стараясь убрать из голоса металлические нотки. — Не хотел. Но если вы скажете папе, он расстроится. Мы ведь не хотим этого, правда?

Дуар поджал губы и умчался прочь, бормоча что-то о наглости современных детей, о том, как он устал от этого хама, и о том, что обязательно напишет заявление.

Когда Сэм обернулся посмотреть на ублюдка, того уже и след простыл — исчез, растворился в коридоре, как тень.

«Сбежал, трус», — подумал Сэм, но внутри шевельнулся неприятный холодок. Он не был уверен, что это был страх. Скорее, что-то другое — то, что он не мог объяснить, но что заставляло его кожу покрываться мурашками.

Он шёл рядом с ней. Наконец-то!

Казалось, будто Мегги ждала этого момента целую вечность, хотя прошло всего несколько часов. Уроки тянулись невыносимо долго — она смотрела на часы каждые пять минут, не слышала учителей, не видела записей в тетради. И вот наконец, когда они закончились, настало время долгожданной встречи. Она нашла его у выхода, и они пошли рядом, и мир вокруг перестал существовать.

— Ну и как тебе урок философии у Льюиса? — спросила его Мегги, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо, хотя внутри всё трепетало. Впервые в своей жизни она была вынуждена начинать беседу. Первой! Где вообще такое видно.

— Очень занятно, однако как-то странно было слышать такое про Макиавелли, — ответил Алекс, и его голос был задумчивым, словно он пережёвывал прочитанное и теперь делился мыслями.

— Да? Что именно? — Мегги изобразила заинтересованность, хотя на самом деле не помнила ни слова из лекции.

— Ну, вот смотри, — начал говорить Алекс, и его глаза

чуть оживились, — Макиавелли считал, что правитель должен брать ответственность за то, что он совершает. По факту, правитель должен стать тираном и подчинить себе свой же народ в период смуты.

— Ну, это и говорил сегодня Лъсьер, — пожала плечами Мегги.

— Да, но ведь, если подумать, этот правитель захватывает власть. Допустим, идёт война. Он отменяет других кандидатов и собственноручно захватывает власть. Возможно, устраивает переворот. Вынуждает своих подданных бояться его, считая, что только силой можно достигнуть правой цели.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — призналась Мегги, чувствуя себя немного глупо.

Алекс задумался, и на его лице появилось то же выражение — сосредоточенное, почти печальное. Затем он продолжил:

— Только к тому, что Макиавелли в своих трудах нигде не упоминал, что делать после того, как, скажем, война побеждена, народ свободен. Но не свободен от гнёта своего правителя. Не находишь, что какая-то односторонняя ситуация выходит? Правитель спасает народ, но при этом сам же и становится его угнетателем после того, как справился со своей задачей.

— Хм. Ты клонишь к тому, что правитель этот может...
— Мегги попыталась уловить нить его мысли.

— Да, может оказаться худшим злом, чем то зло, какое

могло бы обрушиться на народ, — подытожил Алекс. Его голос стал тише, почти заговорщицким. — А что, если бы не было этого правителя? Что, если зло, от которого он так пытался спасти людей, вовсе и не зло по своей сущности. Как считаешь?

Мегги задумалась, чувствуя, как его слова отзываются в ней чем-то знакомым, но неуловимым.

— Решает точка зрения, — сказала она медленно, примеря мысль. — Для правителя его поступки с его точки зрения будут добром. Ну а с точки зрения врагов — их путь и есть добро. Прав тот, кто считает себя правым.

— Именно! — в глазах Алекса мелькнула искра одобрения, и Мегги почувствовала, как тепло разливается в груди. — Вот и выходит, что после того, как дело сделано, правитель должен уйти. Но обязательно должен уйти по доброй воле, чтобы народ почувствовал избавление.

— Как это всё слишком сложно, — улыбнулась Мегги, чувствуя, что голова идёт кругом. — Что бы он оставил после себя приемника?

— Нет, — покачал головой Алекс, и его чёрные волосы качнулись в такт движению. — После того, как он спас народ, он должен уйти полностью, тем самым дав народу право выбора нового вожака. Демократия.

— В этом есть какой-то смысл, — сказала Мегги, хотя на самом деле она думала совсем о другом — о том, как его голос ласкает слух, о том, как он жестикулирует, когда говорит

о чём-то важном.

— Да, — Алекс замолчал и посмотрел вперёд, туда, где сквозь деревья уже виднелся парк. — Знаешь, когда ты был в мире, где правил хаос, понимаешь, что власть и свобода — это не просто слова. Это выбор. — Он вздохнул, и вдруг его лицо осветилось улыбкой. — Хватит философии. Давай о чём-нибудь простом.

Они вошли в парк как раз тогда, когда солнце уже начало спускаться к горизонту, окрашивая небо в тёплые золотисто-оранжевые тона. Свет пробивался сквозь сосновые кроны, играя на мшистых стволах и сухой траве, превращая обычную тропинку в сказочный коридор. Воздух пах хвоей, разогретой за день корой и лёгкой влагой, которая поднималась от земли. Где-то вдалеке слышался детский смех и птичий гомон, а лёгкий ветер шевелил листву, создавая тихий, успокаивающий шум. Мегги вдруг заметила, что здесь необычно тихо — не так, как в городе с его вечной суетой, а по-особенному спокойно. Она почти физически чувствовала, как напряжение отпускает её, когда они идут по этой тропинке рядом. Ей казалось, что этот момент — самый правильный в её жизни, и она хотела продлить его навсегда.

Она невольно замедлила шаг, разглядывая деревья. Солнечные блики танцевали на стволах сосен, и в этом свете лес казался почти волшебным, сошедшим со страниц старых сказок, которые она читала в детстве. Но Мегги вдруг заметила нечто странное — в нескольких метрах от тропинки,

среди густого папоротника, одна ветка была сломана. Свежий излом белел на тёмной коре, словно кто-то недавно прошёл там, хотя тропы там не было, а кусты были слишком густыми для случайного прохожего. Мегги нахмурилась, но не стала останавливаться — ей показалось, что она просто придумала это, что страх и тревога, накопленные за последние дни, искажают реальность.

Солнце садилось всё ниже, тени становились длиннее и гуще, выползая из-под деревьев и обволакивая тропинку. Воздух начал холодать, и Мегги поёжилась — не то чтобы ей было холодно, скорее она почувствовала, как что-то изменилось вокруг. Лес перестал казаться сказочным. Теперь он выглядел тёмным, таинственным, сгущающимся — словно сами деревья смыкались над их головами, отрезая путь назад.

Мегги редко бывала в этом парке, предпочитая прогулки в других, более людных местах. Но она очень хотела показать Алексу город — его уютные улочки, старые здания, тихие скверы — и начала именно с парка, решив, что это будет лучшее начало.

— Как тебе вид? — спросила она, показывая рукой на небольшие кафешки в виде шалашей, которые виднелись вдалеке. — У нас обычный город, тут мало людей. Но есть и приезжие, конечно.

— У вас очень красивый город. Такой живой. И люди приветливые, особенно в вашем классе, — Алекс улыбнулся, и

Мегги показалось, что его улыбка стала чуть теплее.

— Да, у нас неплохой класс, — согласилась она, чувствуя, как её сердце бьётся чаще.

— Кстати, у тебя вроде как есть молодой человек... — Алекс произнёс это небрежно, но Мегги почувствовала, как внутри всё оборвалось.

«О нет! Только не это! Он что-то ему сказал...»

— Алекс, это не правда, — она покраснела, чувствуя, как щёки заливают жаром. — Вернее, полуправда. Он... был, и мы расстались.

Он пожал плечами, и его лицо осталось бесстрастным, но Мегги показалось, что в его глазах мелькнула тень интереса.

— А он знает об этом?

«Ну точно что-то сказал!» — мысленно застонала Мегги.

— Я говорила ему! Мы разошлись, и на этом всё! — она почти выкрикнула эти слова, затем взяла себя в руки. — *«И вообще, почему я оправдываюсь перед ним? Кто он мне вообще, да я...»* — Правда! Поверь мне! — закончила она уже более спокойно, глядя ему в глаза.

Алекс снова пожал плечами и подмигнул ей — коротко, почти неуловимо. В его глазах отражался свет заката, делая их похожими на разбитое стекло, переливающееся фиолетовыми и золотыми искрами.

«Пожалуйста, поверь мне!»

— Алекс... — начала она, не зная, что сказать дальше.

— Давай сменим тему, — улыбнулся он, словно чувствуя её замешательство. — Есть ли у тебя братья, сёстры?

— Нет, — обрадовалась такой перемене Мегги, выдыхая с облегчением. — Я одна в семье. А... у тебя?

Только сейчас Мегги поняла, что вообще не знает о нём ничего. Ни где он родился, ни есть ли у него родные.

— Я... — Алекс запнулся, и его голос стал глуше, словно он наткнулся на что-то болезненное. — Я один. Но у меня есть отец.

— Вот как? Ты с ним переехал? И вообще, где ты остановился? — спросила она, стараясь не надавливать, но любопытство брало верх.

— Нет, я приехал один. Остановился у... у тётушки Мари Гертан.

«Ох, чёрт!»

Выходит, он племянник Грымзы! Мегги стала лихорадочно вспоминать, не оскорбляла ли она её в присутствии Алекса. Мысли отказывались слушаться, но вроде нет... Она старалась держать язык за зубами, когда Мари была рядом.

— Очень хорошая женщина! — Мегги сложила руки за спиной и выдавила из себя самую искреннюю улыбку. — Такая добрая! А одевается как... модно!

Алекс почесал затылок, и его губы дрогнули в усмешке.

— Ну, мне казалось, что она не умеет одеваться. Но раз ты говоришь так, то, наверное, тебе виднее. Ох уж эта мода.

«Вот чёрт! Снова промах!» — Мегги почувствовала, как

её щёки вспыхивают ещё сильнее. Она решила, что пора сменить тему, и выбрала то, что мучило её с первой встречи.

— Алекс, — начала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — скажи, почему ты ходишь в перчатках?

Он опустил взгляд и посмотрел на свои руки — на чёрную кожу, которая плотно обтягивала пальцы, скрывая то, что было под ней. Его плечи чуть напряглись.

— Просто боюсь, люди не поймут меня, если увидят...

— Что увидят? — тихо спросила Мегги, чувствуя, как внутри закипает любопытство.

— Шрамы. — Он поднял голову и посмотрел на неё, и в его фиолетовых глазах мелькнула такая глубокая, древняя боль, что Мегги на мгновение забыла, как дышать. — Они напоминают мне о прошлой жизни.

— Какой ужас! — выдохнула она. — Ну, шрамы же украшают мужчину. И что же было в твоей прошлой жизни? Кто их оставил?

Он опустил взгляд — ночь уже наступала, и в темноте его глаза светились мягким фиолетовым светом, словно два далёких фонаря. Когда он заговорил, его голос был тихим, почти беззвучным, но каждое слово врезалось в тишину.

— Их оставили на память. Чтобы я всегда помнил.

— Кто? — шёпотом спросила Мегги, чувствуя, как холодок пробегает по спине, не имеющий ничего общего с вечерней прохладой. — Кто их оставил?

Алекс поднял на неё взгляд. На мгновение в его глазах

мелькнуло что-то тёмное, почти злое — такое чужое, что Мегги отшатнулась бы, если бы могла, — но он моргнул, и оно исчезло, уступив место прежней мягкости. Или маске мягкости.

— Те, кто хотел, чтобы я не забывал, — сказал он, и голос его звучал ровно, но с металлической ноткой, которая заставила Мегги поёжиться. — Те, кто знал, что я должен помнить.

В этот момент он резко повернул голову в сторону леса — туда, где Мегги заметила сломанную ветку. Его взгляд задержался на том месте, будто он увидел там кого-то или услышал звук, недоступный её ушам. Он замер, весь напрягся, и Мегги показалось, что он готовится к прыжку. Затем он так же быстро отвернулся, и его лицо снова стало спокойным, как будто он поставил перед собой невидимый щит.

— Ничего, — сказал он, словно отвечая на её невысказанный вопрос. — Показалось.

Мегги хотела спросить, что он там увидел, но что-то в его лице остановило её — какая-то закрытость, которая говорила: «Не подходи, не сейчас». Она промолчала, но запомнила этот момент, чувствуя, как внутри шевелится беспокойство. Ей показалось, что он лжёт, но она не стала настаивать.

Мегги обогнала его и встала впереди, загораживая ему путь. Он поднял на неё взгляд, и в его глазах читалась печаль — такая глубокая, что у неё сжалось сердце.

— Что ты говоришь... Что ты должен помнить? — спро-

сила девушка, чувствуя, как её голос дрожит.

Алекс пожал плечами — жест, который должен был казаться небрежным, но выглядел почти отчаянным.

— Помнить, кто я такой.

— Ох, может, не всё так плохо? — Мегги шагнула к нему, чувствуя непреодолимое желание коснуться его, пробить эту стену. — Покажи мне их.

И она взяла его за руку и стала пальцами стягивать перчатку с его правой ладони, чувствуя под тканью холод его кожи и напряжение мышц.

Алекс отстранился, мягко, но настойчиво убрав её руку в сторону. На мгновение его дыхание сбилось — Мегги заметила это, видела, как его грудь поднялась чуть быстрее, как он на мгновение закрыл глаза, словно собирая силы. Затем он улыбнулся — но это была не та тёплая улыбка, а горькая, почти извиняющаяся, которая заставила её сердце сжаться.

— Извини, но не стоит.

— Почему же? — прошептала она, не отводя взгляда.

Глаза парня блеснули в темноте, и его голос стал тише, почти неслышным, но каждое слово отдалось в её душе:

— Ты можешь не пережить увиденное.

Глава 7

Сэм смотрел, как они шли по улице, как их силуэты медленно приближались к дому Мегги. Был уже вечер, и уличные фонари отбрасывали длинные, дрожащие тени на мокрый асфальт. Сэму приходилось щуриться, чтобы разглядеть ухмылку на роже этого ублюдка — ту самую самодовольную кривую губ, которая, казалось, говорила: «Она моя, и ты ничего не сможешь с этим сделать». Мегги что-то говорила ему, оживлённо жестикулируя, а он отвечал, склоняя голову к её плечу, и Сэм видел, как она улыбается.

Сэм сидел в своей машине, припаркованной в тени старого клёна, и барабанил пальцами по рулю. Хоть руль и был обтянут слоем мягкой кожи, руки у Сэма болели от напряжения — он сжимал его так сильно, что костяшки побелели, а на ладонях выступили красные полумесяцы от ногтей. Он чувствовал, как в груди разрастается холодная, тягучая ярость, которая застилает глаза красной пеленой.

«Я же тебя предупреждал!»

Что ж, раз он не понимает со слов, придётся показать ему грубую силу. Сэм уже видел, как будет выглядеть это зрелище: ублюдок будет извиваться в пыли, умолять о пощаде, а Мегги будет смотреть на это и понимать, кто здесь настоящий мужчина.

Сэм достал из кармана телефон. Отчего-то руки дрожали.

У него дрожат руки!? Он встряхнул кистями, пытаясь успокоиться, но дрожь не проходила — это была не слабость, а чистая, первобытная злоба, которая требовала выхода.

Парень набрал номер Тома. Гудки шли слишком долго, и за это время Сэм увидел, как Мегги чмокнула ублюдка в щёку — коротко, но с такой нежностью, что у него внутри всё оборвалось, — и зашла в дом, оглянувшись на пороге. На прощание она помахала ублюдку рукой. И он ответил тем же, Сэм видел, как его губы шевельнулись в ответном «пока».

Сэм едва не сломал телефон в руке. Пластик затрещал, и он с усилием разжал пальцы. От напряжения у парня загудели виски, и в ушах зазвенело.

«Я оторву тебе твою бабку!»

— Да, — слышался заспанный голос Тома. Его друг очень любил поспать после уроков, и сейчас, судя по голосу, он только что проснулся.

— Томми, в общем, ты был прав, — Сэм поёрзал на своём месте, чувствуя, как кожаное сиденье противно скрипит под ним. — Они действительно гуляли, и он проводил её до дома. В общем, я согласен.

— О! Отлично! — сразу воодушевился Том, и в его голосе слышались хищные нотки. — Тогда завтра его и положим. Публично, чтобы все видели.

Сэм посмотрел в окно и увидел удаляющуюся спину новенького — высокую, прямую, почти надменную. Даже походка этого ублюдка бесила его: слишком уверенная, слиш-

ком спокойная.

Никто никогда не имел права так себя вести. Скольких людей они запихивали в шкафчики, закрывали в мусорных баках и унижали за куда менее серьёзные проступки? Сэм самолично ставил на место тех, кто осмеливался смотреть на него свысока. Но этот Алекс был другим. Он не боялся. Он не дрожал. Он смотрел на Сэма с таким снисхождением, словно тот был для него пустым местом, и это было невыносимо.

И ведь Сэм предупредил его. Он дал ему шанс уйти, оставить Мегги в покое, и этот ублюдок даже не попытался воспользоваться им. Сэм никогда не забудет эту самодовольную рожу, этот холодный взгляд, эту лёгкую ухмылку, которая говорила: «Ты мне не страшен». Ну уж нет. Даже если его попрут из школы после этого, он не отступит. Казнь должна быть публичной. Пусть все видят, как он извивается в грязи, как его гордость разбивается вдребезги под ударами.

На следующий день в школу Сэм принёс с собой спортивные вещи — лёгкие штаны и футболку, в которых удобно двигаться. Его друзья сделали то же самое, и они переглядывались в коридоре, обмениваясь понимающими усмешками.

Ублюдка Сэм нашёл в столовой. Тот сидел один за дальним столиком, ел школьную еду — какую-то безвкусную кашу, — и пялился в окно, на серое небо. Как всегда в своих

дурацких чёрных перчатках, которые скрывали его руки, и с той же самодовольной рожей, которая заставляла Сэма скрежетать зубами.

Сэм подошёл к нему сзади, бесшумно ступая по кафельному полу, и нагнулся над его ухом. При этом он обнял новенького за шею, сжав её с такой силой, что, казалось, вот-вот услышит хруст.

Тот даже не дёрнулся. Продолжал смотреть в окно, его лицо осталось бесстрастным, словно он не чувствовал руку Сэма на своей шее. Однако он слегка выгнул бровь — жест, который безумно взбесил Сэма.

— Я ведь предупреждал тебя, верно? — прошипел он, чувствуя, как его дыхание обжигает ухо новенького.

Ублюдок едва заметно моргнул глазами — «Да», — и на его губах мелькнула та самая лёгкая улыбка, от которой Сэма захлестнула волна ярости.

— Вот и славно. — Сэм сжал его голову чуть сильнее, чувствуя, как мышцы новенького напряглись под его пальцами. Как же ему хотелось сейчас надавить ещё сильнее и услышать тот самый хруст, который означал бы конец этого унижения. — Сегодня после уроков никуда не уходи. Мы просто немного поиграем. Скажем, на беговой площадке. Ты меня слышал, малыш?

И снова он моргнул. А затем улыбнулся — широко, открыто, обнажая ровные белые зубы. Улыбнулся!

Сэм заскрипел зубами так, что в ушах зазвенело, и с тру-

дом разжал пальцы, выпуская его.

«Не надолго лыбишься. Скоро ты будешь валяться в грязи, и вся школа будет смотреть на твой позор».

Уроки закончились, и Мегги уже собиралась идти искать Алекса, когда в коридор влетела запыхавшаяся Катрин. Её волосы сбились в кучу, на лбу выступил пот, а глаза были расширены от паники.

— Мегги, быстрее! — выкрикнула она, хватая подругу за руку. — Там... Там...

— Чего там? — Мегги почувствовала, как внутри всё сжимается от предчувствия.

— Я подслушала... Сэм, Том и Боб собираются избить моего Алекса!

Мегги вскочила с подоконника, на котором сидела, и ринулась вперёд, но почти сразу остановилась, обернувшись к Катрин:

— Куда?

Та только махнула рукой в сторону выхода, затем одними губами прошептала: «Стадион».

Мегги рванула по коридору, не разбирая дороги. Её каблуки громко цокали по кафельному полу, эхо разносилось по пустым кабинетам, где уже почти никого не было. Она промчалась мимо столовой, мимо актового зала, за дверьми которого слышались чьи-то голоса, мимо стендов с объявлени-

ями, которые расплывались в единое пятно. Воздух в школе казался спёртым и тяжёлым, а каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. Она почти не чувствовала ног, только бешеный ритм сердца, который заглушал всё вокруг.

Когда она выбежала из школьного здания, свежий вечерний ветер ударил в лицо, но она даже не заметила его. Перед ней открывался стадион — большое открытое пространство, окружённое бетонными трибунами, которые давно не видели ремонта. На некоторых местах краска облупилась, обнажая серый бетон, покрытый трещинами и граффити. В центре находилось футбольное поле с вытоптанной травой, по краям — беговые дорожки, размеченные белой краской, которая уже начала стираться. Вокруг стадиона высились старые фонари, но горел только один — в дальнем углу, отбрасывая жёлтый, тусклый свет на импровизированную арену.

Здесь уже собралась толпа. Мегги увидела их — десятки фигур, сгрудившихся полукругом, словно зрители в древнем амфитеатре. Кто-то стоял, кто-то сидел на трибунах, а некоторые даже забрались на ограждение, чтобы лучше видеть. В вечернем воздухе витал запах травы, сырой земли и предчувствия беды. Кто-то смеялся, кто-то перешёптывался, но в этом гуле чувствовалось напряжение, которое сгушалось с каждой секундой.

Мегги замерла на мгновение, пытаясь отдышаться. В груди колотилось сердце, а в ушах шумело. Но она не могла останавливаться. Она рванула вперёд, к толпе, расталкивая

локтями зевая, которые нехотя расступались, но никто не пытался её остановить. Она должна была успеть.

— Сэм, что ты дел... — попыталась крикнуть она, но кто-то заткнул ей рот рукой. Грубая, сильная ладонь прижалась к её губам, и она почувствовала запах табака и пота.

— Не стоит вмешиваться, — на ухо ей зашептал Корт, высокий старшеклассник с короткой стрижкой и накачанными плечами. Он был из тех, кто всегда держался рядом с сильными, чтобы самому не оказаться жертвой. Мегги знала его — он учился в параллельной группе и обычно не лез в дела Сэма, но сейчас, видимо, решил подчиниться. — Пусть мальчики сами разберутся. Это их дело.

Сэм не обратил на Мегги внимания, а вот Алекс посмотрел на неё и улыбнулся — той самой спокойной, почти безмятежной улыбкой, которая заставила её сердце сжаться от страха. Он что, не понимает, как проходят такие драки? Их называли показательной казнью. И в ней правил не было. Драка проходила не до первой крови, а до того момента, пока кто-то из учителей не прибежит на помощь. Но кто успеет... У учителей сейчас собрание, которое продлится минут тридцать. Мегги обругала себя за то, что не додумалась раньше — нужно было позвать кого-то на помощь из старших, найти Лайала, хотя бы просто закричать!

В общем, если у Сэма каким-то чудом не задастся, то на выручку прибегут ещё двое, и они будут бить Алекса втроём. И никто не вмешается из школьников! Никто не пойдёт

поперёк Сэма. Разумеется, нет. Ученики слишком боялись встречать в такие передряги, предпочитая наблюдать и снимать на телефоны.

— Ну что, малыш, потанцуем? — Сэм выставил руки перед собой и сжал кулаки, его лицо исказила злая усмешка. — Давненько я не разминался на манекенах.

Алекс улыбнулся ему — спокойно, почти снисходительно. Он просто стоял на прямых ногах, руки по швам, словно ждал автобус, а не драки. Чёрные волосы уже были взъерошены ветром. Парень был в белой рубашке, пиджак держал кто-то из младших школьников, и на фоне серого вечера он казался почти призрачным.

Многие школьники держали в руках телефоны и готовились снимать казнь. Для них это было всего лишь игрой, развлечением, которое они выложат в соцсети. Они не понимали, что это реальная жизнь, что за этим стоят боль и унижение. Они не понимали ничего.

Сэм бросился на Алекса. Мегги много раз видела, как Сэм начинает битву. Он сближался, подсаживался и наносил удар под дых, после чего добивал противника в ногу. Либо же хватал за шею сзади и душил до тех пор, пока соперник не терял сознание. Это была его коронная техника, и он всегда побеждал.

Вот сейчас был первый вариант. Сэм подлетел к Алексу, пригнулся и нанёс удар кулаком в живот с такой силой, что, казалось, должен был пробить его насквозь.

Холодок успел пробежать по спине девушки. Вот и всё...

Алекс каким-то чудом ушёл от удара. Он просто наклонился в сторону, едва заметно сместив корпус, и кулак Сэма рассек воздух там, где только что была его рубашка. При этом Алекс даже не шелохнулся — он стоял на ногах так же легко, словно ничего не произошло, словно уклонение было для него естественным, как дыхание. Он улыбался, и это явно злило Сэма ещё больше.

Сэм взбесился и стал наносить удар за ударом — правой, левой, снова правой. Его кулаки летели с такой скоростью, что Мегги едва успевала следить за ними, они сливались в размытые линии. Но Алекс просто уворачивался в разные стороны, словно кошка, которой бросают мячики, — легко, плавно, без малейших признаков напряжения. Каждый его шаг был точным и выверенным, будто он знал, куда придёт следующий удар Сэма, за секунду до того, как тот начнётся. Его движения были почти танцевальными, и в этом танце не было ни капли агрессии — только совершенная, пугающая грация.

Где-то в толпе раздались смешки. Кто-то из младших школьников даже присвистнул. Мегги мельком заметила, как Сью зажала рот рукой, а Кэти стояла с выпученными глазами, её лицо побледнело. Толпа медленно затихала, переваривая увиденное. В воздухе повисло напряжение, которое можно было резать ножом.

Том и Боб переглянулись и, поняв, что их друг не справ-

ляется, побежали вперёд, заходя с боков, чтобы окружить Алекса.

«Ну теперь точно всё», — подумала Мегги, чувствуя, как внутри всё обрывается. Она продолжала вырываться, но Корт был сильнее, его рука держала её мёртвой хваткой.

Сэм нанёс удар кулаком в челюсть, в это время Том подсел, чтобы Алекс перелетел через него и упал на землю.

Кулак Сэма не достиг цели. Вместо этого Алекс схватил его за руку — легко, почти небрежно — и с силой толкнул себе за спину, используя инерцию самого Сэма. Сэм зацепился ногами за Тома, потерял равновесие и рухнул на землю с глухим, влажным стуком. Трава и земля взметнулись вверх, и по толпе прошёл общий, протяжный вздох. Мегги затаила дыхание, чувствуя, как её сердце пропустило удар.

Толпа школьников разинула рты. Такого никто не ожидал. Катрин даже перестала хихикать — она стояла с открытым ртом, её телефон безвольно висел в опущенной руке, и она смотрела на происходящее с неподдельным изумлением.

Боб бросился на Алекса, надеясь застать его врасплох, но и он не достиг цели. Алекс пригнулся, словно кланяясь, и ладонью ударил Бобу под колено — почти без усилий, но точно и резко, как учитель, поправляющий ученика. Тот закричал, его нога подкосилась, и он рухнул на землю рядом с друзьями, ударившись головой о траву с тихим, неприятным хрустом. Мегги не поняла, услышала ли этот звук — или ей просто показалось от напряжения?

Сэм вскочил на ноги и взревел — дико, по-звериному, его глаза налились кровью, и в них горела животная ярость. Он кинулся на Алекса, размахивая кулаками, в надежде удушить его, сорвать с него маску спокойствия.

Однако Алекс играючи уклонился в сторону, даже не шагнув — снова просто сместил корпус на миллиметр, и Сэм пролетел мимо, пробив воздух. А затем Алекс сделал нечто невероятное: в прыжке, с нечеловеческой ловкостью, он обвил ногами шею Сэма и резко дёрнул вниз. Тот не выдержал такого веса и рухнул на землю, но Алекс извернулся в воздухе, перекатился, и вот уже они оказались лицом к лицу. Алекс выкрутил руки Сэму за спину, прижав их к лопаткам с такой силой, что они оказались под ним, в неестественном положении. Тот стонал и отчаянно дёргался, пытается вырваться, но хватка была железной, нечеловеческой.

«Алекс! Сзади!» — мысленно закричала Мегги, но не могла произнести ни звука.

Двое разъярённых ребят бросились одновременно — Том и Боб, забыв о боли, кинулись на Алекса сзади, надеясь застать его врасплох.

Алекс, не оборачиваясь, умудрился вытянуть ногу вверх — его тело выгнулось почти дугой, словно у него не было костей, — и нанести точный удар пяткой в челюсть Тому. Тот отлетел в сторону, даже не вскрикнув, и рухнул на траву без сознания. А затем та же нога, словно не останавливаясь, по инерции, нанесла точный удар Бобу в висок. Оба рухнули

на землю и перестали шевелиться.

То, с какой быстротой это сделал Алекс, и то, как он смог выгнуть ногу, было просто потрясающим! Мегги никогда не видела такой гибкости, такой скорости — это было нечеловечески, противоестественно.

Наступила тишина. Слышно было только дыхание Алекса — ровное и спокойное, словно он не только что вырубил троих парней, а просто вышел на прогулку. Ни капли пота, ни сбитого ритма. Ветер шевелил его чёрные волосы, и в тусклом свете единственного фонаря он казался призраком, сошедшим с какой-то древней картины, где запечатлены герои и демоны одновременно.

Мегги заметила, что телефоны в руках школьников стали подрагивать, и вскоре все, как один, были опущены. На лицах читалось одновременно удивление, восхищение и животный страх. Никто не смел издать ни звука, даже дыхание затаили.

Мегги смотрела на эту сцену, затаив дыхание. Она не могла отвести взгляд от Алекса, от его идеально прямой спины и спокойного лица. Но где-то на периферии сознания она видела, как Сэм, обессиленный, пытается подняться, как его руки дрожат, а лицо искажено гримасой боли. А затем всё сместилось, и она вдруг увидела его глаза — полные боли и унижения, которые он не мог скрыть. И в них, впервые за всё время, она увидела не злобу, а сломленность.

Сэм находился под ним. Алекс смотрел ему в глаза и видел в них страх. Наконец-то он понял, с кем имеет дело. Его дыхание сбилось, в груди разрасталась ледяная пустота, которая была хуже любой боли.

Сэм дёрнулся, пытаясь вырваться, но хватка была стальной — пальцы Алекса впивались в его запястья, как клещи. Он заскрежетал зубами, из горла вырвался хриплый рык. Он бил ногами по земле, извивался всем телом, пытаясь сбросить с себя этого ублюдка, но это было бесполезно. Каждое его движение тот встречал ещё более сильным давлением на выкрученные руки, и каждый раз боль пронзала плечи, заставляя Сэма вздрагивать. От боли он взвыл, но не перестал бороться. Сэм не мог сдаться. Не мог позволить этому ублюдку видеть его слабость. Новенький так выгнул ему руки, что, скорее всего, Сэм долго не сможет водить машину. Не проблема. Главное — не сдаваться.

— А теперь ты послушай, — зашептал ублюдок ему на ухо так, чтобы никто больше не слышал, и его голос был холодным, как лёд, — я могу сейчас сделать так, что ты останешься без рук на всю свою жизнь. Могу сломать тебя как личность. Мне не составит труда это сделать, уж поверь.

Глаза Сэма расширились — возможно, от того, что он поверил, а может, от того, что новенький надавил на его руки чуточку сильнее. Сэм почувствовал, как суставы начинают выходить из своих мест. Боль была невыносимой, но он стис-

нул зубы, отказываясь кричать.

— Однако, — продолжил Алекс, и в его голосе появилась лёгкая усмешка, — я оставлю тебя. Но только если ты обещаешь мне кое-что.

— Да пошёл ты, — прохрипел Сэм и взвыл от боли, когда Алекс чуть сильнее надавил на его запястья.

— Однако, — повторил Алекс, и его голос стал стальным, — ты обещаешь мне, что больше никогда не приблизишься ко мне и пальцем не тронешь Мегги. Она не для тебя. И никогда не была.

— Я убью тебя, — задохнулся Сэм, чувствуя, как слёзы, которые он не мог контролировать, уже текут по щекам, смешиваясь с грязью и травой. — Я...

Он снова рванулся, пытаясь высвободить хотя бы одну руку, но Алекс легко парировал его движение, как будто играл с ребёнком. Сэм чувствовал, как его воля ломается под этим холодным, ледяным давлением, как гордость рассыпается в прах. С каждым мгновением он понимал, что проиграл — не в драке, а в чём-то более важном. В борьбе за Мегги, за своё место, за самоуважение.

— Я слышу только твои обещания, — холодно сказал Алекс, и его голос был как лезвие, которое вонзается в самое сердце. — Но я ещё ни разу не слышал твоего согласия. Ты обещаешь мне.

Сэм захрипел. Он чувствовал, как его воля окончательно ломается, как последние остатки гордости тают под этим

взглядом. С каждым мгновением становилось все хуже.

— Я... обещаю, — выдавил он сквозь сжатые зубы, и эти слова дались ему тяжелее, чем вся боль, которую он когда-либо испытывал. — Я обещаю.

Алекс чуть ослабил хватку, но не отпустил. Сэм был уверен, что ублюдок был готов начать выворачивать его руки из суставов. Сделать это было очень легко, если знать, под каким углом применить силу. Вот, сустав пошёл...

— Довольно!

Алекс поднял голову и увидел, как сквозь толпу бежит мужчина — высокий, со светлыми короткими волосами, в строгом костюме. Он оттолкнул в сторону попавшегося на пути школьника, не обращая внимания на его возмущённый возглас. За спиной у него были другие учителя, и среди них Мари, которая, казалось, едва поспевала за ним.

Её лицо было бледным, почти прозрачным в сумеречном свете, а глаза широко распахнуты. Она смотрела на неподвижные тела на траве — на Сэма, корчившегося под Алексом, на Тома и Боба, лежавших без движения, — и её губы беззвучно шевельнулись, словно она пыталась что-то сказать, но не могла. В её взгляде читался неподдельный ужас, смешанный с неверием.

— Директор Лайал? — послышалось из толпы. Дети стали в спешке разбегаться в стороны, кто-то побледнел, кто-то

спрятал телефон.

— Отпусти его немедленно! — глаза директора блеснули гневом, и его голос прозвучал как удар хлыста.

Алекс медленно поднялся на ноги, и его движения были плавными, почти ленивыми. Он неторопливо поправил чёрные перчатки на руках — сначала на одной, затем на другой. Он делал это с такой спокойной тщательностью, будто только что не дрался, а просто снимал пыль с одежды. Мегги смотрела на это движение, следя за его пальцами, которые аккуратно разглаживали кожу перчаток, и не могла понять, что её больше поражает — его невероятная сила или эта пугающая невозмутимость. Она затаила дыхание, чувствуя, как внутри всё сжимается от странного, почти благоговейного страха.

— Помогите им, — распорядился директор, и его голос был сухим, деловым. К лежащим подбежали учителя, склонились над Томом и Бобом. Кто-то побежал за аптечкой. — А вы, мистер Алекс, пройдите со мной.

Корт наконец отпустил Мегги — но сделал это не сразу. На мгновение его рука задержалась на её плече, он переглянулся с Сэмом, и только после этого, словно принимая какое-то решение, убрал руку и отошёл в сторону, сливаясь с толпой.

Мегги перевела взгляд на Сэма. Он лежал на траве, обесиленный, с мокрыми от слёз щеками и покрасневшими глазами. Она видела его таким впервые — сломленным, уничтоженным, лишённым всей его самоуверенности. И внутри

у неё что-то дрогнуло. Ей стало жаль его. Несмотря на всё, что он сделал, несмотря на эту дурацкую драку, он был человеком, который только что потерял всё — свою гордость, свою репутацию, саму веру в себя. Но рядом с этой жалостью жило и другое чувство — облегчение. Алекс был цел. Он стоял прямо, смотрел вперёд спокойным, невозмутимым взглядом, и это значило, что всё закончилось. По крайней мере, сейчас.

Алекс вошёл в кабинет Лайала. Директор вошёл следом и захлопнул дверь — плотно, с глухим стуком, который эхом разнёсся по тесному помещению.

Кабинет был не большим, но казался тесным из-за высоких шкафов, заполненных книгами. Они стояли ровными рядами — корешки в коже и потёртом коленкоре, с золотым тиснением и без, новые и такие старые, что их названия уже нельзя было прочесть. Некоторые страницы выпадали, и на полу лежали жёлтые листы. Пахло здесь пылью, сухой бумагой и чем-то ещё — тем особенным запахом, который бывает только в местах, где время остановилось. Свет из окна падал на письменный стол и мягко скользил по корешкам, но не мог разогнать полумрак, висевший в углах. На столе, заваленном бумагами, стояло одинокое кожаное кресло для посетителей. Казалось, что хозяин этого кабинета давно привык к тишине и одиночеству.

— Ну, Алекс, — Лайал присел к себе за стол, откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. — Как тебе в моей школе?

— Неплохо, — ответил Алекс, остановившись у окна.

— Неплохо? Может, скажешь мне, зачем ты устроил это шоу?

Алекс пожал плечами, не оборачиваясь.

— Сэм сам предложил, и...

— И ты решил подыграть ему, так? — закончил за Алекса директор, и в его голосе послышалась усталая насмешка. — Ты мог устроить это без такой пафосности. Так зачем, спрашивается, тебе понадобилось делать это именно так? Демонстрация силы? Запугивание?

Алекс отвернулся от директора и подошёл к книжному шкафу, провёл пальцем по корешкам, остановившись на старом, потёртом томе.

— Скоро они будут здесь, — сказал Алекс, и его голос стал тише, серьёзнее. — Теперь благодаря этой драке они знают, что тут есть я. Возможно, побоятся сунуться.

Лайал вздохнул, и в этом вздохе послышалась глубокая, вековая усталость.

— Ты так уверен в себе?

— Абсолютно.

— Я охранял девчонку одиннадцать лет, — как-то излишне грубо бросил директор, и его голос дрогнул, — и всё ради того, чтобы пришёл ты и всё испортил? Ну уж нет.

Алекс резко повернулся к Лайалу. Его волосы растрепались в разные стороны, в глазах мелькнул холодный, почти хищный блеск.

— Ты охранял? — зашипел парень. — Да я уже видел трёх! И все в этой школе! И королева...

— Ты видел королеву? — Лайал вскочил со своего места, опрокинув стул, и выпучил глаза. — Невозможно... Она не могла придти сюда... Полнолуние только...

— Она всего лишь призрак, — пояснил Алекс, и его голос стал спокойнее, но в нём чувствовалась сталь. — Но это пока что. Скоро полнолуние, и всё произойдёт. Девушку надо защищать.

Лайал осел на своё место и стал тереть виски, его лицо побледнело.

— Сколько... Сколько времени ты провёл за гранью? — спросил он, не поднимая глаз.

Алекс на секунду задумался, глядя в окно, где уже сгушались сумерки.

— Время там идёт не так, как на земле. Мне кажется, что прошли столетия.

— Для меня всё было не так, — прошептал Лайал, и в его голосе слышалась горечь. — Мы были в разных местах. Я... Я сожалею.

— И я сожалею, — Алекс едва заметно кивнул головой, и в его глазах мелькнула тень боли. — Мне правда жаль, что всё складывается именно так. Я бы не пришёл сюда, если бы

знал, что ты справишься. Увы, но человеку не под силу совладать с ними.

Лайал нахмурил брови, и на его лице отразилось понимание.

— Постарайся больше не влипать в неприятности. Иди.

Алекс слегка склонил голову, затем развернулся и вышел из кабинета, оставив Лайала одного, погружённого в свои мысли. Когда дверь закрылась, директор ещё долго сидел неподвижно, глядя на пустое кресло, и чувствуя, как старые раны снова начинают болеть.

Глава 8

Подготовка к выпускному балу шла полным ходом. До него оставалось буквально несколько дней — и напряжение в коридорах школы висело в воздухе, смешанное с запахом краски, клея и предвкушения. Старшеклассники, разделившись на группы, украшали актовый зал: кто-то развешивал разноцветные шарики, кто-то тянул гирлянды, кто-то рисовал плакаты с пожеланиями. Заняты были все, даже те, кто обычно отлынивал от любой работы.

Зал был большим, с высокими потолками, где когда-то висела люстра, но её давно сняли, и теперь свет исходил от ламп, встроенных в стены. Окна выходили на школьный двор, где уже сгущались сумерки. Пахло здесь свежей краской, старым деревом и чем-то сладким — возможно, от конфет, которые кто-то принёс с собой. Парты были сдвинуты к стенам, на них громоздились коробки с украшениями, рулоны бумаги, кисти и банки с клеем. В углу стояла стремянка, на которой мисс Мари, учительница, которую Мегги мысленно называла «грымзой», прикрепляла связку разноцветных шариков к потолку.

Мегги отчаянно пыталась относиться к учительнице с уважением — после всего, что произошло, после того, как Алекс сказал, что она его тётушка, Мегги решила, что обязана быть любезной. Да и одевается она не так уж и плохо!

Правда, синее обтягивающее платье снова выглядело нелепо, но Мегги заставила себя не обращать на это внимания.

Мисс Мари стояла на стремянке, чуть покачиваясь, и аккуратно прикрепляла шарики к потолку. Женщина старалась сделать всё красиво — это было заметно по тому, как она поправляла каждую гирлянду, как расправляла складки на тканевых украшениях. Каждую пометку за учениками она исправляла собственноручно, не доверяя никому. При этом она улыбалась и подбадривала тех, у кого что-то не получалось, и её голос звучал мягко, почти по-матерински.

«И почему я её не любила? Хорошая же женщина!» — подумала Мегги, чувствуя укол совести.

Она старалась, возможно, впервые в жизни. Ей хотелось, чтобы этот вечер запомнился, чтобы всё было идеально. Она так ждала выпускной бал — финал всей учебной жизни, точку, после которой начнётся что-то новое. Столько лет она грезила окончанием учёбы, мечтала вырваться из этого маленького города, который душил её своей предсказуемостью. Её отец, бизнесмен с гостиницами по всему региону, хотел, чтобы дочь пошла по его стопам, но Мегги чувствовала, что это не её путь. Город казался ей слишком маленьким, местом, где нечем дышать, где все знают всех и ничего не меняется. Ей нужен был простор, и очень скоро она достигнет своей цели. Правда, теперь, когда в её жизни появился Алекс, планы начали тускнеть, уступая место чему-то более важному.

Девушка поглядывала на Алекса, который носил парты вместе с Гродом. Его фигура выделялась среди других — высокий, худой, с чёрными волосами, которые падали на лицо, и в неизменных перчатках. Даже здесь, в суете подготовки, он двигался с той же отстранённой грацией, словно был частью этого мира, но не до конца. Мегги заметила, как его взгляд на мгновение задержался на ней, и сердце пропустило удар.

После той драки прошло несколько дней. Алекс не ходил в школу — возможно, его наказали, а может, он просто не хотел встречаться с людьми. Мегги так и не поговорила с ним, и это мучило её. Все вокруг только и обсуждали случившееся — Сэм ходил с перевязанной рукой, его лицо было бледным и осунувшимся, Том и Боб вообще не появлялись. Мегги слышала, как шептались в коридорах, как на неё косились, как некоторые отводили взгляд. Она видела Сэма в коридоре — он прошёл мимо, не поднимая глаз, и его спина была согблена, словно он нёс на себе тяжёлый груз. Она не знала, что чувствует: жалость или облегчение. Мегги выдохнула, когда он прошёл мимо. Она боялась, что он начнёт скандал, но юноша просто исчез в толпе, растворился, как тень. И на том спасибо.

Её мысли были только об Алексе. Она понимала, что парень был наказан директором Лайалом, но её это не останавливало. Ей было о чём поговорить с ним! Как же её интересовали дальнейшие планы Алекса на жизнь. Согласится ли

он уехать вместе с ней? И вообще, откуда он приехал? Парень так ничего ей и не рассказал, чем разжёл интерес до невероятных размеров. Она хотела знать всё: его прошлое, его тайны, его мысли. Даже то, что он скрывал под перчатками.

Алекс взглянул на неё и подмигнул — коротко, почти незаметно, но Мегги почувствовала, как тепло разливается по всему телу. На душе сразу стало теплее. Сердце заколотилось с такой силой, что Мегги нечаянно надорвала плакат, который держала в руках, и покраснела, чувствуя, как щёки заливают жар. Алекс заметил это, и его губы дрогнули в лёгкой ухмылке. Девушка в спешке стала искать, куда бы спрятать испорченный плакат, но они все были на виду друг у друга, и спрятать его было некуда.

«Что ж, придётся клеивать и переделывать. Но позже».

С боку к Мегги подошла Катрин. Девушка выглядела сердито — её пухлые губы были сжаты в тонкую линию, а глаза сверкали.

— Когда ты хотела мне рассказать? — грозно выдавила она, и в её голосе слышалась обида.

— Что рассказать? — Мегги непонимающе уставилась на подругу.

Катрин, как и всегда, ходила с двумя косичками, во рту жевала резинку, которую громко щёлкала. Правда, одета она была чуть приличнее, чем обычно — чёрная юбка до колен

и блузка с почти застёгнутыми пуговицами. Но всё же стоит признать, с краской на лице был явный перебор: слишком яркие тени, слишком густой слой пудры. Мегги предпочитала краситься по минимуму, отдавая предпочтение естественной красоте, и сейчас, глядя на подругу, она чувствовала лёгкую неловкость.

— Ты гуляла с ним! — глаза Катрин сверкнули, и она почти выплюнула эти слова. — Сэм рассказал Линде, та Хью, ну а он затем...

— Я поняла, не продолжай, — перебила Мегги, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Да, мы гуляли, прости, что не сказала тебе.

— Ну сейчас начнётся, — мимо прошла Кэти, неся на руках аж два табурета, её лицо было красным от напряжения. — Только не убивай её. Вернее, не на людях.

Катрин вспыхнула и попыталась отвесить подруге пинок, но слегка промахнулась. Кэти что-то пискнула и ускорила шаг, скрывшись за колонной.

— Он же мой, ты не забыла!? — блондинка выронила изо рта жвачку, и та шмякнулась на пол с противным звуком. — Я же тебе говорила!

Девушка говорила достаточно тихо, чтобы голос не разносился по залу, но в нём чувствовалась сталь. Вокруг шумели, смеялись, перетаскивали стулья, и этот гул застилал их разговор, делая его почти приватным, словно они находились в отдельной комнате.

Мегги положила злополучный плакат на пол и вплотную подошла к Катрин, чувствуя, как внутри поднимается волна упрямства.

— А ты его спросила, хочет ли он быть твоим? — она попыталась выдавить улыбку, но ничего не вышло. — Как бы его мнение тоже надо учитывать! Это не игрушка, Катрин.

Катрин открыла рот, собираясь что-то сказать, но задумалась. Её губы дрогнули, и на мгновение Мегги показалось, что она увидела в глазах подруги тень неуверенности. Но почти сразу маска вернулась.

— Девочки, не деритесь! — оказывается, их подслушивал Грод. Он проскользнул мимо Катрин и стал строить глазки Мегги, его усы смешно топорщились. — Я буду болеть за тебя, красотка. Ты всегда можешь рассчитывать на меня.

— Пошёл вон, — на сей раз Катрин попала ногой по цели, и Грод со смехом отошёл в сторону, но на прощание подмигнул Мегги и сделал жест, словно прикладывал телефон к уху. Затем он шепнул губами: «Набери».

Мегги закатила глаза и перевела взгляд на подругу, чувствуя, как усталость наваливается на плечи.

— Катрин, прости, что так... Но он мне очень понравился. Я знаю, что и тебе тоже, но... Ему я тоже нравлюсь. И это главное.

Катрин покачала головой и больше ничего не сказала. Она опустила взгляд, и на миг Мегги показалось, что она сейчас расплачется — уголки её губ дрогнули, а на глазах высту-

пила влага. Но в следующее мгновение её взгляд снова стал прежним — холодным, непроницаемым, как у куклы, у которой вынули душу. Мегги на мгновение показалось, что в глазах Катрин мелькнуло что-то, похожее на облегчение. Но она не была уверена. Мегги хотела догнать её, спросить, что это значило, но передумала. Она не была готова к этому разговору.

Блондинка всегда была такой. Да и сама Мегги всё прекрасно понимала. Столько раз бывали случаи, когда Катрин находила себе «парня». Их нельзя было пересчитать на обеих руках и ногах у всего класса. При этом каждый раз Катрин переживала из-за своего избранника, плакала ночами, жаловалась, что её не понимают. Она старалась, правда старалась, но всякий раз что-то шло не так. Девушка не отчаивалась и продолжала скакать от одного парня к другому, как мотылёк, перелетающий с цветка на цветок.

Но вот что странно, почему она так расстроилась из-за Алекса? Чем он для неё отличался от других парней, коих были десятки? Что-то в этом было не так, но Мегги не могла понять что.

Катрин развернулась и побрела к выходу из зала, её плечи были опущены, а походка потеряла прежнюю лёгкость. Мегги смотрела ей вслед и чувствовала, как внутри закипает неприятное чувство вины. Но она не могла врать себе — Алекс был тем, кого она хотела видеть рядом. И она была готова бороться за него, даже если это означало потерять по-

другу. Это было эгоистично, но она ничего не могла с собой поделать.

— Ты уверена, что справишься? — мисс Мари уже собралась уходить. Был поздний вечер, за окнами стемнело, и в зале горели только несколько ламп. Работа прошла успешно, и осталось доделать самую малость — доделать плакат и разложить стулья. — Я могла бы тебе помочь.

Мегги покачала головой, чувствуя, как усталость разливается по телу, но стараясь держаться бодро.

— Нет, спасибо. Я сама справлюсь. — Она улыбнулась учительнице. — Как закончу, пойду домой. Это не займёт много времени.

— Отлично, — кивнула женщина, и в её глазах мелькнула тень беспокойства, но она не стала настаивать. — Ключи оставишь на вахте. Удачи тебе.

С этими словами она вышла из зала, и её шаги затихли в коридоре, поглощённые тишиной пустой школы.

Когда шаги Мари стихли, зал накрыла глубокая, почти осязаемая тишина. Мегги вдруг почувствовала, как гулко стучит её сердце в пустом помещении. Она никогда не боялась оставаться одна, но сейчас что-то было не так — какое-то смутное беспокойство шевелилось в груди, словно предчувствие. Она проводила взглядом уходящую учительницу, и где-то в глубине души мелькнула мысль: «Надо было

уйти с ней». Но было уже поздно.

Она вздохнула и приступила к склейке. На удивление, она хорошо потрудилась — плакат был почти готов, но оказалось, что порвано было даже сильнее, чем показалось сначала. Разрыв шёл ровно над буквой «С» в слове «выпускники», и если не выйдет склеить ровно, то придётся переделывать весь плакат, а это уже большие неприятности и потеря времени.

Мегги взяла кисть и аккуратно нанесла тонкий слой клея на края разрыва, стараясь не задеть буквы. Клей пах резко, химически, и этот запах смешивался с запахом старой бумаги и пыли. Затем она приложила полоску бумаги, пропитанную раствором, и осторожно разгладила её пальцами, чтобы не осталось пузырей. Она действовала медленно и сосредоточенно, понимая, что даже малейшая неровность будет заметна. Через несколько минут, когда клей начал схватываться, она покрыла шов краской, подбирая оттенок под цвет плаката. Работа была кропотливой, требовала терпения, но Мегги не спешила — она погрузилась в это занятие, словно оно могло отогнать тревогу.

Когда листы были приклеены и немного подсохли, она стала покрывать их краской слой за слоем до тех пор, пока краска полностью не скрыла проблему. Она смешивала оттенки, пробовала на пробном листе, и каждый новый слой делал шов всё менее заметным. Она работала, не замечая времени, и лишь когда закончила, откинулась на спинку сту-

ла, разглядывая результат.

На всё у Мегги ушло около трёх часов. Уже стемнело, когда девушка аккуратно свернула рулоном плакат и поставила его к стене, прислонив к вешалке. Её пальцы были перепачканы клеем и краской, спина ныла от долгого сидения, но она чувствовала удовлетворение.

«Ну, неплохо».

Она глубоко вздохнула, потянулась и собрала свои вещи — рюкзак, телефон, ключи. Затем отправилась к выходу.

Ночью школа выглядела совсем не так, как она привыкла видеть её днём. Коридоры были пусты от школьников, лампы горели тускло, и их свет отбрасывал длинные, дрожащие тени на стены. Каждый шаг эхом разносился под высокими потолками, и этот звук казался слишком громким в тишине. Пахло здесь по-другому — не мелом и дешёвым освежителем, а старой пылью, краской и чем-то ещё, неуловимым, что витало в воздухе и заставляло кожу покрываться мурашками. Обстановка пустоты веяла какой-то мистикой, словно школа жила своей, ночной жизнью, которую никогда не видели ученики.

«Вот бы тут сейчас оказался Алекс...» — подумала Мегги, чувствуя, как одиночество сдавливает грудь.

— Кто вы? — раздался вдруг встревоженный голос сторожа. Он донёсся из холла, и Мегги остановилась, прислушиваясь.

Она подошла к краю коридора и выглянула из-за угла.

Сторож стоял в дверях школы, загораживая кому-то вход. Его фигура была напряжена, руки вытянуты вперёд, словно он пытался остановить невидимую толпу. Мегги не видела, кто стоял за его спиной, и не слышала, что ему ответили. Слова слились в единый неразборчивый поток.

— Убирайтесь отсюда! Я... — голос сторожа сорвался.

Что-то с силой ударило его в живот — глухой, влажный удар. Мужчина осел на пол, как тряпичная кукла, безвольно раскинув руки, и замер.

Мегги зажала рот руками, чтобы не закричать, и пригнулась к полу, прижавшись спиной к холодной стене. Её сердце бешено колотилось, а в ушах шумело, заглушая все звуки.

Три фигуры в чёрных плащах вошли в школу, бесшумно ступая по кафельному полу. По телосложению это были две женщины и мужчина.

— Какой несговорчивый, — произнесла одна женщина, и её голос был мелодичным, почти ласковым, но в нём чувствовался холод. Она встала над лежащим сторожем, разглядывая его с любопытством.

Вторая обошла его и подошла к стеллажу с книгами, провела пальцем по корешкам.

— Смотри-ка, чистенько, — протянула она, и в её голосе послышалась насмешка.

Мужчина в это время расселся в кресле в холле, откинувшись на спинку. Капюшон плотно скрывал его лицо, но Мегги видела, как он скрестил руки на груди и стал раскачивать-

ся из стороны в сторону. Из-под капюшона поднимался едва заметный пар, который закручивался спиралью и таял в воздухе.

— Можно? — первая женщина повернула голову к сидящему мужчине, и в её голосе послышалась просительная нотка. — Я немножко.

Мужчина едва заметно кивнул, и женщина взвизгнула от восторга, словно ребёнок, получивший подарок.

Она нагнулась над сторожем и коснулась его пальцем — длинным, бледным, с острым ногтем. Что-то произошло.

Мегги не могла объяснить, что это было. Просто мир на одно мгновение мигнул, словно кто-то выключил свет и снова включил. А затем сторож вдруг покрылся инеем. Медленно, начиная от места прикосновения женщины, белая пелена стала расползаться по его телу, как мороз покрывает стекло в зимний день. Иней расползался по его лицу, по рукам, по груди, превращая его в ледяную статую, и тихий хруст раздавался в тишине, когда лёд сковывал его тело.

Мегги услышала запах холода и смерти — ледяной, пронизывающий, смешанный с чем-то сладковато-гнилостным, от чего к горлу подступила тошнота.

Она вытаращила глаза и пошатнулась, едва не закричав. На глазах выступили слёзы, и она зажала рот ладонями, чтобы не издать ни звука.

«Что происходит?»

Её тело была крупная дрожь, и она не могла отвести взгляд

от замерзающего сторожа. Где-то в глубине сознания пульсировала мысль: «Это не люди. Это не люди...»

Мужчина вдруг повернул голову в её сторону. Капюшон качнулся, и Мегги почувствовала на себе его взгляд, хотя не видела глаз.

— Надеюсь, тебе понравилось зрелище, дорогуша? — его голос был хриплым, скрежещущим, как ржавый металл.

От неожиданности Мегги взвизгнула, вскочила на ноги и побежала по коридору обратно, вглубь школы.

Она неслась по длинным пустым коридорам, и каждый шаг эхом разносился под высокими потолками. Тусклые лампы мигали, отбрасывая длинные тени на стены, и эти тени словно тянулись к ней, пытаясь схватить, обвить, утащить в темноту. В воздухе витал запах старого здания — пыли, краски и чего-то ещё, чего она не могла опознать, но что заставляло её сердце биться быстрее. Мимо пролетали двери кабинетов, стенды с объявлениями, классные уголки — всё это расплывалось в единую серую массу. Она бежала уже так долго, что коридоры начали казаться бесконечными. Каждая дверь, мимо которой она пролетала, была такой же, как предыдущая, и она уже не знала, где находится, потеряв ориентацию в этом лабиринте.

Но за спиной она слышала лёгкий топот — неспешный, уверенный, словно её преследователи знали, что она никуда не денется.

— Куда же ты? — послышался голос одной из женщин,

и за ним последовал хохот — звонкий, мелодичный, но бездушный. — Не торопись, маленькая. Мы ещё успеем наиграться.

У Мегги поехала нога, и она рухнула на пол, больно ударившись коленями. Она обернулась и увидела, как одна из женщин уже поднимается по ступенькам, её длинные волосы, рыжие, как пламя, развивались без ветра. Лица её по-прежнему не было видно — только тень под капюшоном.

Мегги охнула, вскочила на ноги и хотела бежать дальше, но в этот момент она услышала шёпот за спиной — её имя, произнесённое едва слышно, почти ласково.

Она обернулась и увидела Алекса.

Парень стоял в проёме двери, его глаза горели фиолетовым пламенем, лицо было сосредоточенным, а губы искажены в зверином оскале, обнажающем зубы. Его руки в перчатках были сжаты в кулаки.

— Алекс... — прошептала девушка, чувствуя, как внутри поднимается надежда. — Беги, они...

Он с силой швырнул её себе за спину, и она едва не упала, но удержалась на ногах.

— Беги! — прошипел он, и в его голосе звучала сталь. — Быстрее! Не оборачивайся!

По лестнице поднялись и двое других — женщина и мужчина. Все трое медленно расходились по коридору, окружая Алекса.

Первая женщина, та, что была ближе всех, резко остано-

вилась, словно наткнулась на невидимую стену. Её голова медленно повернулась к Алексу, и она замерла. А затем, как эхо, разнеслось:

— Ух ты, мой братик, — послышался её голос, с ноткой удивления, почти восторга. — Давненько не виделись, правда? А ты всё такой же красивый!

Алекс держал правую руку вытянутой вперёд, левой тербил перчатку у локтя, словно готовясь сорвать её в любой момент. Багряный свет отрывался от его глаз и словно пар поднимался вверх, завиваясь причудливыми спиралями, похожими на живые щупальца.

— Ты всё такой же красавчик, — произнесла вторая женщина, и в её голосе послышалась усмешка. — Жаль будет отрывать тебе голову.

Мегги глазам своим не поверила, когда пальцы первой женщины на руках стали удлиняться, превращаясь в длинные изогнутые когти, похожие на лезвия. Она видела, как они росли из её пальцев — неестественно, слишком быстро, — и блестели в тусклом свете, отбрасывая зловещие блики.

Тут-то Мегги и закричала. Закричала, как никогда в своей жизни — громко, отчаянно, чувствуя, как крик вырывается из груди и разносится по пустым коридорам. Ноги подкосились, и девушка рухнула на колени, не в силах стоять.

Она почувствовала, как воздух вокруг стал тяжёлым, будто её сдавило невидимой рукой. В груди разлился ледяной холод, и она не могла вдохнуть. Она смотрела на Алекса и

видела его таким, каким никогда не видела раньше — и уже не могла не видеть.

Алекс обернулся и посмотрел на неё. От этого взгляда у неё перехватило дыхание. Его глаза были глазами зверя, не человека. С губ парня текла слюна, на лбу выступили фиолетовые вены, да так отчётливо, что казалось, будто его голову облили краской. Он был страшен — и в то же время прекрасен, как древний хищник, готовый к прыжку.

На одно мгновение в его глазах мелькнуло что-то, чего она не ожидала — боль. Она проявилась и исчезла, уступив место ярости.

В этот момент, в конце коридора, Мегги показалось, что мелькнула чья-то тень. Она не была уверена — возможно, просто почудилось от страха. Но в следующую секунду дверь ближайшего класса распахнулась, и оттуда вылетел директор Лайал. Он схватил Мегги за плечи, и его голос прозвучал чётко, без паники:

— Уходим, девочка. Срочно.

Она чувствовала, как его руки сжимают её плечи, слышала его голос, но слова не складывались в смысл. Она была где-то далеко, в том месте, где остался Алекс, где разворачивалась битва, которую она не могла понять.

И он потащил её по коридору ко второму выходу, волоча за собой, почти не давая ей идти.

А Мегги стеклянными глазами продолжала смотреть на Алекса и трёх людей в плащах. Она видела, как он встал меж-

ду ними и ею, как его фигура, худая и высокая, заслонила свет, как фиолетовое свечение разгоралось вокруг него, превращая его в живой факел. Этот взгляд Алекса — полный ярости, боли и чего-то древнего — будет всю жизнь её преследовать. До самой смерти.

Слёзы хлынули у неё по щекам, ноги отказывались идти, и директору пришлось, по сути, тащить её на руках. Мужчина что-то говорил, но она не могла слышать — только чувствовала, как её трясёт, как внутри всё сжимается от страха.

«*Что тут происходит... Алекс!*» — пронеслось в её голове, когда она в последний раз обернулась. Мир померк, и в последний миг она услышала, как кто-то закричал — и этот крик принадлежал не женщинам.

Глава 9

Лайал медленно подо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.